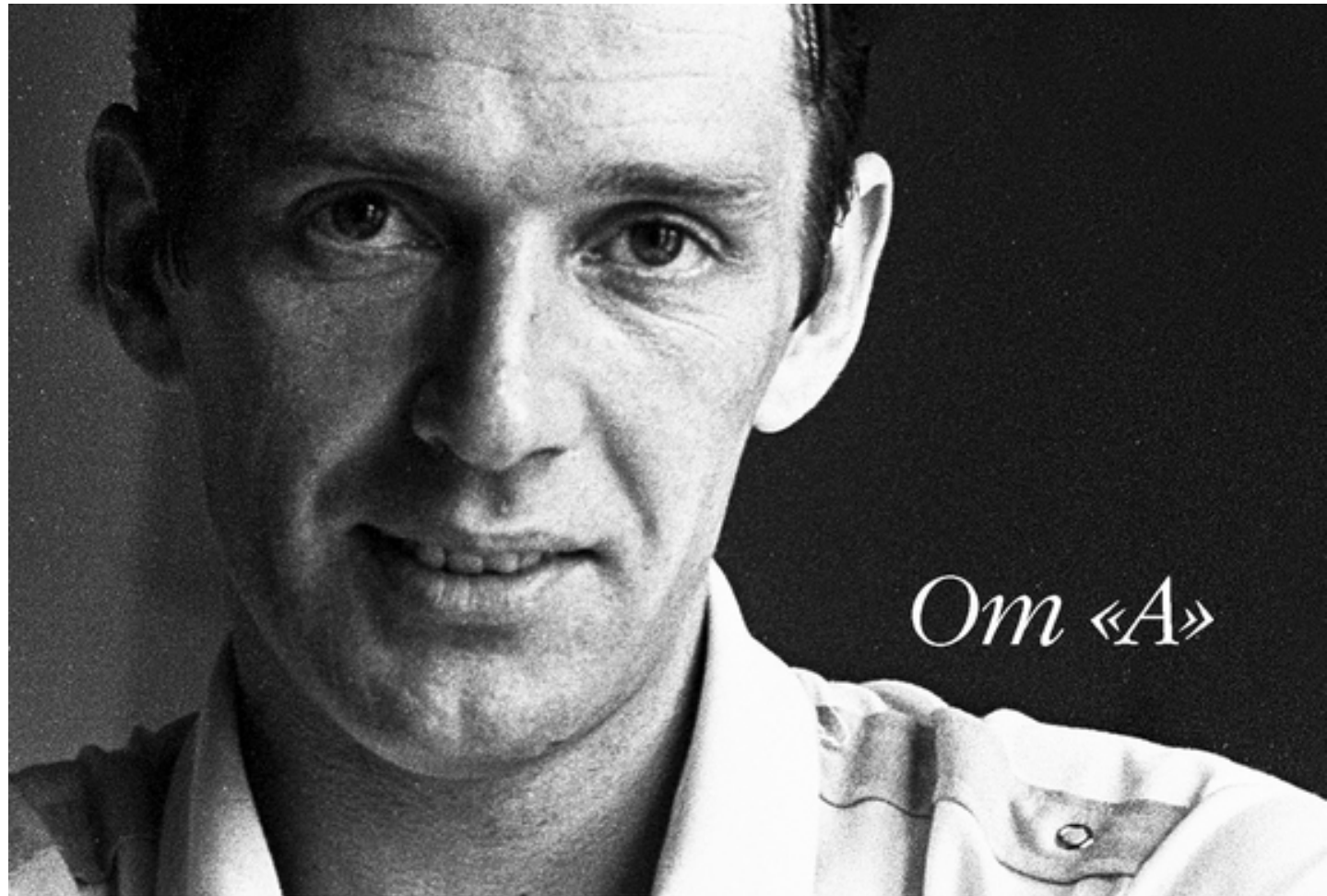
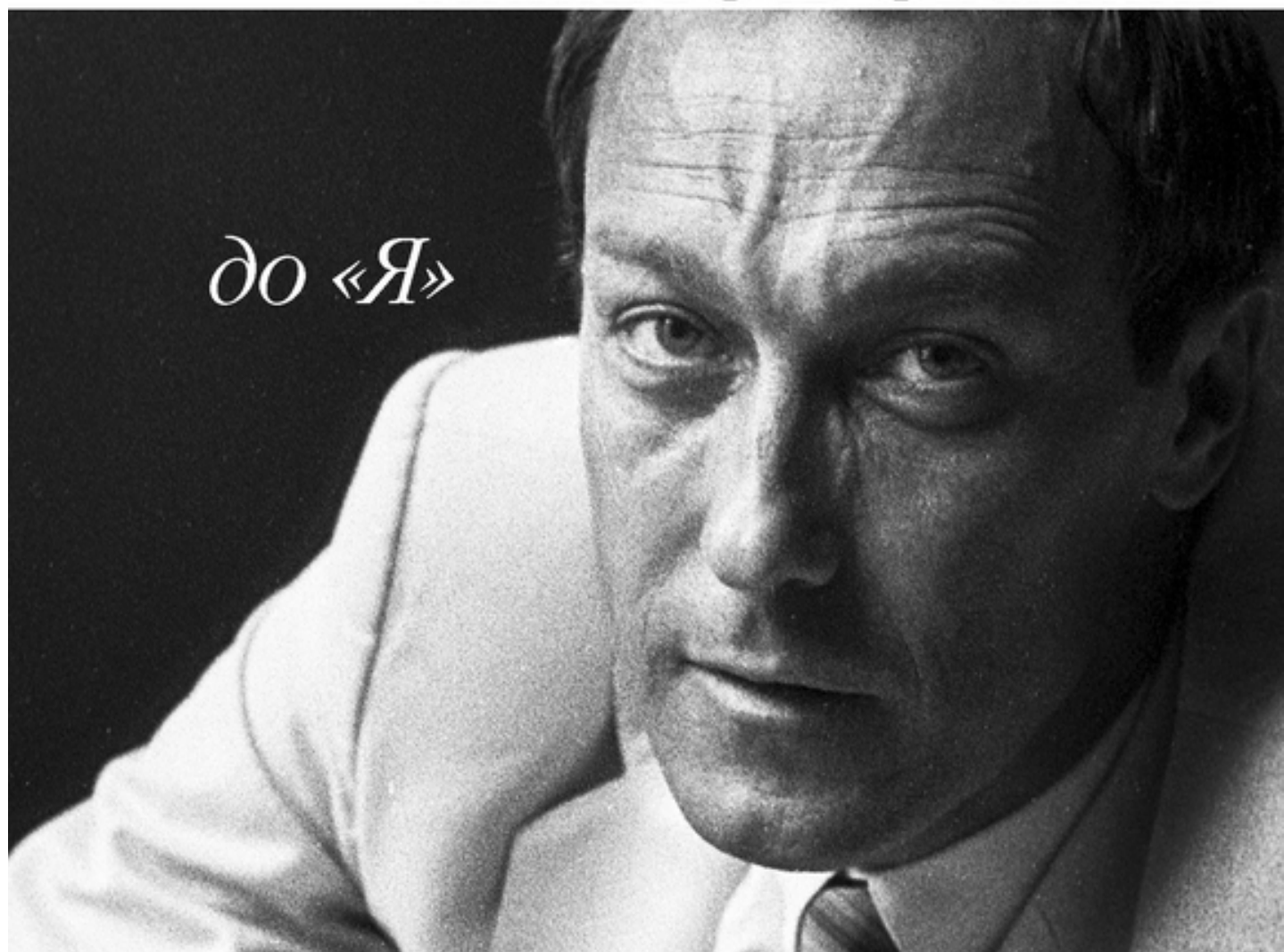

От «А»

АБДУЛОВ *и* ЯНКОВСКИЙ

до «Я»

Театральный Олимп

**От «А» до «Я». Александр
Абдулов и Олег Янковский**

«АСТ»

2017

УДК 792.2.071.2(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

От «А» до «Я». Александр Абдулов и Олег Янковский /
«АСТ», 2017 — (Театральный Олимп)

ISBN 978-5-17-099449-6

Александр Абдулов и Олег Янковский, наверное, ярчайшие артисты театра «Ленком», наряду с Евгением Леоновым, Татьяной Пельтцер, Леонидом Броневым. «Хочу остаться легендой», — говорил в интервью Александр Гаврилович Абдулов. «Хочу остаться...» — не произносил вслух Олег Иванович Янковский. Эта книга нашей памяти о них. «Чтобы помнили», — говорил другой артист, служивший другому театру. Мы помним всех.

УДК 792.2.071.2(470)
ББК 85.334.3(2)6-8

ISBN 978-5-17-099449-6

, 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Александр Абдулов. Монолог длиной в 30 лет	6
Интервью перед выборами в московскую городскую думу	14
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Крылов
От «А» до «Я». Александр
Абдулов и Олег Янковский

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Александр Абдулов. Монолог длиною в 30 лет

Последние семьдесят лет очень многие в этой стране занимались не своим делом. А вообще-то я убежден, что в наших условиях это единственный способ найти себя и занять свое место в общественной иерархии.

Кто-то внедрил в общественное сознание соображение о том, что, например, благотворительность не мое дело... Мое! И, уверяю, заниматься этим гораздо труднее, чем любую роль сыграть в театре или в кино.

Я уверен, что благотворительность в стране нищих и голодных может принести довольно ощутимые результаты...

Не думаю, что она сулит хоть какое-то обеспечение беженцам или людям, живущим за чертой бедности. Вряд ли даже тысячи благотворительных концертов могут помочь пострадавшим от чернобыльской аварии. Почти убежден, что не станет лучше жизнь сирот... Но наша задача – заставить людей снова поверить в благое дело...

Я прекрасно осознаю то, что сколько денег ни соберешь, все это вполне может провалиться в «черную дыру»... Но я хитрый. Кому попало денег не отдаю.

Я привык к снисходительным оценкам наших «Задворок» – «сборище элиты», «шоу для богемы»... Но я не обижаюсь, не бью себя кулаком в грудь, не оправдываюсь. Потому что мы делаем конкретное дело – компьютеры для определенного детского дома или возрождение старейшей церкви в Путинках, разрушенной, разграбленной, на долгие годы заколоченной. Такой и должна быть благотворительность. Конкретной! Я лично вижу результаты своей деятельности...

Я уверен, что должны быть дорогие мероприятия. Нет у тебя денег – смотри с крыши соседнего дома. Или вообще не смотри. На Каннский фестиваль тоже не бесплатно пускают и далеко не всех. Надо создавать престижные шоу, а значит – красивые. Я верю, что когда-нибудь на «Задворках» будут собираться женщины в вечерних туалетах, мужчины в смокингах... Мы отвыкли от красоты. Нам кажется, если мужик в смокинге – значит, он официант.

Кроме того, это ведь не просто коммерческий концерт, но и праздник. Для друзей, близких. Для тех, кого я люблю. Для театра, в котором работаю. А почему я должен думать обо всех глобально?! Обо всех Ленин думал – вот мы и хлебам эту кашу столько лет...

Я помню, как готовились первые «Задворки» (фестиваль «Задворки» был создан в начале 1990-х). Это мероприятие действительно задумывалось как праздник для своих, для работников театра. С каким сумасшедшим энтузиазмом все пилили, строга́ли, строили, убрали! Каждый пытался приобщиться к этому празднику, сделать что-то полезное. Это было совсем не коммерческое мероприятие и не просто закрытие очередного театрального сезона, а действительно культурное событие. Разве возможно сохранить атмосферу праздника, если сегодня практически все подобные акции выродились и превратились в этакий повод для выкачивания денег...

И в то же время совершенно очевидно, что на Руси всегда были богатые купцы, для которых вложить деньги в культуру было не просто престижно. Это был вопрос долга. Вопрос чести, если хотите. Так вот, я за возрождение такой чести. Именно такой, а не той, что долгие годы проповедовала коммунистическая партия со своей коммунистической моралью... И потом, я же не обком собираюсь строить, а церковь возродить. И между первым и вторым – огромная разница...

Сейчас мне стало понятно – да, я стремлюсь быть лидером. Не вижу в этом моем желании ничего плохого. Но осознание этого устремления пришло постепенно. Когда я приехал из Ферганы покорять Москву, у меня за спиной никого и ничего не было. А завоевать свое место под солнцем можно, только воспитав в себе лидера. Иначе тебя подавят другие...

Я жил в общежитии. Мама присылала мне двадцать рублей, стипендии я никогда не получал – не мог сдать экзамены по истории КПСС (сейчас оказалось, что я был не таким уж и тупым). На что я мог рассчитывать? Можно было уехать обратно в Фергану... Я уже был к этому практически готов... Сегодня и не представляю, что бы со мной стало, решишь я на это бегство. Может быть, стал бы народным артистом Узбекской ССР, а может, спился бы где-нибудь под дувалом... По счастью, меня пригласили на роль в «Ленком». И понеслось... Пришлось доказывать, что пригласили не зря...

Внутри меня была масса провинциальных комплексов – ненависть к москвичам, к «золотой молодежи». Я считал себя абсолютно гениальным и совершенно незаслуженно обойденным вниманием кинематографистов. Но... стиснув зубы, как последний пацан, бегал на «Мосфильм», снимался в массовках, в атаки ходил... У Митты в картине снялся. «Москва – любовь моя». Мне казалось, роль замечательная, предел мечтаний – мимо меня Курихара проходила... Потом долгового мальчика заметили. Предложили эпизод – один, другой...

Завоевать Москву было невысказанно трудно... Средняя Азия, где я вырос, – это совершенно другой мир, другая психология, другое воспитание. В Москве я продолжал постоянно драться, попадал в милицию... Я столько всего начудил, пока понял что к чему... У меня даже был роман с американской шпионкой. Меня об этом в КГБ просветили, когда пытались меня завербовать. Просили отчетов – умоляли сообщать, кто и когда у нее собирается. Требовали, чтобы я ни в коем случае ее не бросал. Поначалу они показались мне ангелами, добрее отца родного. Но я почему-то испугался, понял, что поддаться на уговоры, согласиться с ними очень легко... Но это станет моим концом. Я даже не мог, да и сейчас не могу, объяснить почему. Почувствовал, и все тут... Они в театр стали звонить. Угрожали. Пугали. Впрочем, я до сих пор не уверен, что эта девушка была шпионкой. Она плакала, когда уезжала...

* * *

Вообще-то я сам хочу на что-то влиять и что-то менять. Насколько это возможно, насколько это в моих силах... Я хочу видеть красивые дома, красивую одежду. Красивые лица вокруг. И главное, счастливые лица... В нашей стране тебе ничего не грозит только в одном случае – если ты бедный, сирый и убогий. Всех раздражают красота, длинные ноги, ясные выразительные глаза... Подойди к западной женщине и скажи: «Как вы сегодня прекрасно выглядите!» Она ответит: «Спасибо». Наши женщины почему-то начинают стесняться: «Ах, перестаньте. Я только что с работы, и голова у меня невымытая». Или хамят: «А сам-то, сам-то! Мужчина, на себя посмотри!» Разве это психология нормального человека? Я устал от серости. Я не могу видеть чернуху на экране, потому что каждый день сталкиваюсь с ней в жизни. Надоело думать о том, как мы все плохо живем. Давайте наконец думать о том, как все будет – да и есть – хорошо. И делать что-то для этого...

* * *

Я организовал объединение «Ленком» не потому, что мне нечего делать, а потому, что кроме меня никто за эту работу не взялся. Я точно, в деталях знал, как должно быть все устроено, и я довольно долго ждал, когда этим займутся те, кому положено.

Но ничего не менялось. В конце концов я понял, что нельзя рассчитывать на хороших дядей и тетей, которые придут и устроят нашу жизнь: поднимут артистам зарплату и вообще дадут возможность зарабатывать. Больше десяти лет я сам получал сто двадцать рублей и знаю, что это такое. Имея сегодня возможность зарабатывать много, я обязан думать о тех людях, которые работают со мной рядом и которые пока лишены такой возможности. Теперь,

когда все звезды «Ленкома», начиная с Марка Захарова, дают концерты, четверть от вырученных денег отчисляется на зарплату артистов театра, которые пока звездами не являются. Я против того, чтобы все были бедными, но гордыми. Я за то, чтобы все были гордыми, но богатыми. В нашей же стране большинство деятелей умеют только отнимать и делить, а других действий не знают...

Поначалу я с бешеным азартом смотрел трансляцию последних съездов, как безумный рвался к телевизору, где бы ни находился, надеялся на что-то. А однажды утром услышал, как дикторша пересказывала краткое содержание предыдущего дня работы съезда, – и ошалел, замер... и мне вдруг стало тошно. Я вдруг понял, что это не жизнь, а кино, этакое бесконечное, многосерийное шоу. Свора сытых людей, которые свистят о всеобщем благе... Чисто по-человечески я их очень хорошо понимаю: они борются за свое светлое будущее. Я тоже за него борюсь, но я не делаю этого за счет других. Аморально бороться за собственное счастье, шаря в кармане соседа. Они прекрасно осознают то, что их рука в чужом кармане. Я же бывал в этих комсомольских банях, в которых секретари гуляют. Все они прекрасно всё про себя понимают...

Я никогда не был пионером. Учительница в школе спросила: «Дети! Кто считает, что не достоин высокого звания пионера?» Нашелся единственный дегенерат – я. Встал и сказал: «Не достоин. Двойки получаю, и вообще...» В комсомол же я попал по стечению обстоятельств. В Ферганском драматическом театре было только два комсомольца, а нужно было создать комсомольскую ячейку, и срочно требовался третий. Меня силой втащили. Так что истинным комсомольцем я себя никогда не считал, но перед комсомольскими секретарями изредка выступал. Но это совсем неинтересно...

Вообще в жизни все гораздо страшнее, чем в кино. Я наблюдал такие чудовищные переходы людей из одного состояния в другое! Представьте себе, сидят интеллигентные люди, говорят умные, правильные вещи – срабатывает сдерживающий фактор: присутствие постороннего человека, то есть меня, артиста. Потом выпивают стакан. Потом еще стакан. Сдерживающие факторы перестают срабатывать – ты уже становишься своим. Тогда-то все и начинается... «Неужели у тебя нет премии Ленинского комсомола? Ну, старик, ты даешь! Петя, – обращается старший комсомолец к младшему, – завтра же организуй Абдулову премию...» Еще стакан. И понеслось. И уже девочки. И все остальное, что показано в картине «ЧП районного масштаба». А наутро эти люди тебя даже не узнают...

* * *

Конечно, у меня очень много несыгранных ролей – ролей, которые мне очень хотелось бы сыграть. Но не думаю, что я такой уж нереализованный артист. Не могу гневить Бога. Моя судьба в театре сложилась удачно. Да и в кино из шестидесяти картин, в которых я снялся, есть пять, может быть семь, за которые я отвечаю... Но в нашей стране творчество не может дать полного ощущения свободы. Я обязан создать вокруг себя и окружающих меня людей свободную экономическую зону...

Хотя теперь заниматься исключительно профессией мне уже было бы скучно. Нужно все время осваивать что-то новое. Когда-то я занимался реставрацией икон. Сейчас я начал рисовать. Увлёкся этим, после того как побывал в гостях у Параджанова: совершенно обалдел от его рисунков и коллажей... Жизнь такая короткая, нужно успеть как можно больше...

* * *

Я уверен сегодня даже больше, чем когда-либо, что был совершенно прав, не отказываясь от съемок. Я и сейчас много снимаюсь – к сожалению, не всегда удачно. Не могу пред-

ставить себя сидящим дома сложа руки в ожидании, когда меня пригласят Михалков, Рязанов или Данелия. Я могу перечислить фамилии сотен артистов, очень талантливых, которые так и остались невостребованными. Кинорежиссеры в театры не ходят, ассистенты по подбору актеров – тем более... Можно, конечно, уповать на его величество случай. Но его никогда не будет в твоей жизни, если ты не борешься за него. Я люблю работать, мне нравится играть. Я обожаю экспедиции и гастроли. Почему я должен был лишиться себя всего этого? Мне крайне важен процесс. Я не видел больше половины своих фильмов. Для меня важна неконечность этого самого процесса. Снялся в фильме, надо сразу сниматься в следующем. Иначе возникает ощущение чудовищной пустоты...

Некоторым людям кажется, что отношение ко мне изменилось после того, как я занялся бизнесом. Вроде как во мне увидели серьезного человека. Дескать, раньше во мне видели только звездного мальчика, победно шагающего из картины в картину и не очень-то разбирающего дорогу... Но это суждения людей, не знающих моих театральных работ. Я очень благодарен Захарову за то, что ему удалось «сломать» меня. Я счастлив, что сегодня у меня нет амплуа. Захаров предложил мне роль Сиплого в «Оптимистической трагедии», когда казалось, что я навечно останусь романтическим героем из «Обыкновенного чуда». Или, например, Верховенский в «Диктатуре совести»... Это роли, о которых в кино и мечтать не приходится. Но тем не менее, я думаю, что количество сыгранных мною киноролей постепенно перешло в качество. Меня заметили хорошие режиссеры. Это лишний раз доказывает, что нельзя сидеть сложа руки и ждать...

Актер – очень зависимая профессия, но мне в жизни всегда очень везло. Однажды я должен был принимать участие в концерте, посвященном сорокалетию Победы. Подготовили номер: я читаю стихи протеста, Долина поет песню протеста, а артисты из ансамбля Моисеева пляшут танец протеста вокруг нас. Шла репетиция. Пришел Демишев (министр культуры СССР, 1974–1986 гг.). Артисты сидят в первых рядах большого темного зала, мандражируют. Он – на самой верхотуре, молча наблюдает. Вдруг голос: «А почему нет Лещенко и Кобзона?» Моисеев (постановщик действия) не смог ответить. Тогда было велено, чтобы они вместо нас с Долиной исполняли песню «Ядерному взрыву – нет!». Перед нами извинились, и мы пошли к выходу. Когда проходили мимо Олега Борисова, который ждал своей очереди, он прошипел: «О, счастливицы».

Потом я отказался читать стихи В. Фирсова на концерте для делегатов XXVII съезда партии. Сотрудник идеологического отдела ЦК партии принес эти стихи прямо в театр, директору. Они назывались «Мы державно идем в коммунизм». Я не знал, что делать. Мы тогда репетировали «Диктатуру совести», и в зале сидел Михаил Шатров. Он мне и насовещивал отказаться. Я позвонил, долго извинялся, ссылаясь на слабоумие. А потом, черт меня дернул, спросил, читали ли они сами эти стихи. Мне вежливо сказали, что нет, не читали. Я взял и брякнул: «Почитайте. Это за гранью добра и зла». Мне так же вежливо ответили, что обязательно последуют моему совету. Через полчаса из кабинета выскочил перепуганный директор с криком: «Ты никогда не получишь звание заслуженного!» Оказывается, ему позвонили и сказали: «Мы долго решали, кому поручить столь ответственное дело – Лановому или Абдулову. Предпочли Абдулова. Так вот, передайте ему, что нам тоже нравится не все, что он делает. И еще ему передайте, что стихи, одобренные идеологическим отделом ЦК КПСС, не могут быть за гранью добра и зла». И повесили трубку. Театр лихорадило, думали, что за этим последует приказ уволить меня и т. д. Мне удавалось избегать того, в чем многие сегодня каются. Разве это не везение?

...Помню еще один случай. Мне нужно было срочно лететь в Ленинград. Погода нелетная, все рейсы отменяют. Я, как всегда, пошел в «Интурист», потому что там девочки меня любят и всегда помогают. Обещали отправить первым же рейсом. Когда объявили посадку, я

прошел в самолет. Вдруг появляется стюардесса и сообщает мне, что другой самолет вылетит на пятнадцать минут раньше. Я пересел. Тот самолет, в котором я уже сидел, разбился...

А однажды я вышел из театра и встретился взглядом с девушкой, которая стояла на улице и явно меня поджидала. Но не очень-то она была похожа на простую поклонницу. И руку как-то странно прятала за спиной. Интуитивно я шарахнулся за собственную машину. На долю секунды опередил ее движение: она достала стакан соляной кислоты и плеснула его в то место, где я стоял, с криком: «Не доставайся никому!» Маньячка.

Так что не могу сказать, что мне не везет. Я вены себе вскрывал от несчастной любви. И ничего – живу вот...

У меня сегодня много друзей среди хороших режиссеров. И это гарантия интересной работы. Я верю, что Горин не напишет для меня плохого сценария. Захаров, Балаян или Соловьев не предложат скучной роли. А Лебешев просто не сможет меня плохо снять. Не сумеет...

Не могу сказать, что в моей жизни все так уж безоблачно. Начиная с седьмого класса я работал на уборке хлопка. Но, правда, отчасти это был для меня самый настоящий праздник: берешь раскладушку, матрас и – вон из дома, подальше от родительской опеки. Свобода! Самостоятельность! Вечерами девочки, костры, прогулки под луной... А утром снова становишься буквой «Г» и сколько видишь до горизонта – все хлопок. Мне труднее всех было – я самый длинный... Да и норма – 50 кг в день, совершенно не детская. Выполнить ее нельзя ни при каких условиях. Мы и водой хлопок заливали. И землей засыпали. И камни в корзины подкладывали... Нас вызывали в школу, прорабатывали на педсоветах, грозились выгнать. А мы жили в казармах, в чудовищных, антисанитарных условиях, с одним сортиром на всех. Вместо жратвы – какая-то баланда. Но сложности нас не смущали. Мы ничего не знали про пестициды. Ну, пролетит вертолет – посыплет поле чем-то. Ну, листики пожухнут... Сегодня я с ужасом об этом вспоминаю. С тем большим ужасом, что ничего с тех пор не изменилось...

А в институте все считали, что я очень богатый, и многих это раздражало. Дело в том, что я обедал в ресторане. Просто мы с приятелем подсчитали, что за полтора рубля можно съесть шурпу, плов и выпить бутылку минеральной воды. Получалось и вкуснее, и дешевле, чем в любой столовке. А по ночам мы с тем же приятелем вагоны разгружали. И вообще, у меня в жизни сложностей было ничуть не меньше, чем у всех нормальных людей. Но не должны зрители об этом знать. Мы, актеры, должны нести в себе некоторую тайну и изо всех сил поддерживать миф о своей прекрасной жизни. Если на экране видно, что актеру безумно тяжело живется, невероятно сложно работается, – пропадает интерес к нему...

* * *

Популярность вовсе не дает ощущения раскованности или, там, внутренней свободы, независимости... Разве можно быть свободным в несвободной стране? Уверяю, что наша зависимость от обстоятельств становится с каждым днем все больше. Если меня останавливает гаишник, так вместо штрафа он просит сто долларов. Килограмм помидоров на рынке мне предлагают за четыре цены, а цветов – за пять... Чем вообще все это может закончиться? Я уж не говорю о том, что наша страна – единственная в мире, где платят не за работу, а за рассказ о ней. За спектакль ««Юнона» и «Авось»» я получаю около двадцати рублей. А за рассказ об этом спектакле на концерте – в десять раз больше... А после введения налога у меня вообще отпало желание играть концерты. Это то же самое, что слесаря заставить точить гайки бесплатно... Актер, по большому счету, приносит людям радость, а радость можно приносить, только если сам рад. А какая радость, если ты с голой жопой, простите, стоишь? Надоело мне слышать, что для счастья достаточно хлеба с водой. Недостаточно! Хлеб должен быть с маслом и с колбасой хорошей. С икрой, наконец. Сколько можно бед-

ностью гордиться? Я готов работать 24 часа в сутки. Я в отпуске после института ни разу не был. Никого же это не интересует! И не надо меня упрекать – я прекрасно знаю, что такое актерские биржи труда. Меня еще отец водил. Я на всю жизнь это зрелище запомнил! Но нельзя сидеть сложа руки и жалеть живущих хуже, чем ты. Я мечтаю организовать акционерное общество – богатое-богатое. Я хочу иметь возможность заплатить сто тысяч рублей, например, Анатолию Васильеву за то, чтобы он поставил спектакли в Перми, Горьком и Туле. Я написал сценарий и хочу попробовать себя в режиссуре. Я в лепешку расшибусь, но достану денег, найду спонсоров, приглашу сниматься лучших артистов и заплачу им по миллиону! Нужно создать прецедент...

Мы должны пройти через все. Не может страна одномоментно стать культурной. Мы хотим из каменного века сразу шагнуть в цивилизацию. И в результате находимся в состоянии Америки 40-х годов – сухой закон, мафия, рост преступности, наркоманы, проститутки, рэкет... Мы должны как-то, по возможности с минимальными потерями, эту стадию пройти. Пусть будет и плохое кино – оно само отомрет за ненадобностью через энное количество лет. Другое дело, что должны быть еще и режиссерские лаборатории, в которых проводят свои эксперименты элитарные режиссеры. Они должны быть на содержании государства. Остальные должны зарабатывать сами...

Я искренне верю в то, что в нашей стране можно жить не по-советски. Я, например, мечтаю купить дом в центре Москвы, обязательно с собственным садиком. Если мне кто-нибудь поможет в этом, буду очень признателен. Уж я бы такую там красоту создал, что все окружающие осознали бы, что живут на помойке, и стали бы что-то делать. Может, проснулось бы тогда в людях чувство хозяина, ведь если рядом красиво, хочется же, чтобы у тебя было еще красивее...

Я уверен, что смог бы работать на Западе. Но мне постоянно чего-нибудь не хватало бы там. Я ужасный патриот своей страны. Я люблю ее за то, что при всеобщем идиотизме и неразберихе можно сделать что угодно. Ни с того ни с сего завод отгрохать, вовсе никому не нужный. Или, там, от щедрости душевной БАМ создать... Или пройти по всяким организациям, собрать десять миллионов и снять кино. Разве где-нибудь еще такое возможно? Думаю, прав был Бердяев – необъятное пространство на нас сильно действует...

* * *

Родиной я считаю Тобольск – город, в котором родился. Фергана опустела для меня – умер отец, убили брата... Я знаю, что сфабриковали дело, пытаюсь представить все таким образом, что якобы брат сам упал и разбился... Ко мне подбежала женщина со словами: «Саша, идите в морг, там дело фабрикуют...» Впрочем, тогда это уже не имело никакого значения. Мне следователь прокуратуры сразу сказал: «В Фергане никто никого искать не станет!» Убийцу до сих пор не нашли, хотя прошло много лет.

Помню, как во время учебы в институте приехал домой, в Фергану, и увидел отца, сидящего у телевизора. Он плакал. Показывали вручение ордена Ленина Ирине Родниной. Я не мог понять, в чем дело, а отец сказал: «Я только сейчас понял, что я неправильно жил». Он воевал на Курской дуге, из концлагеря бежал весь простреленный. Потом работал главным режиссером Ферганского драматического театра. Был очень уважаемым в городе человеком. Красная Звезда у него была, а на орден Ленина не потянул, для этого, оказывается, надо было уметь «тройной тулуп» делать...

Я был в Фергане не так давно. Приходил на могилу к отцу. Купил на рынке море цветов, примчался на кладбище: думал, могила неухоженная (давно там не был). И... обалдел: на могиле цветы лежат, конфетки какие-то... Старушки ко мне подошли: «Саша, думаете, мы забыли вашего отца?» Я был так за него горд!!! Это то, ради чего я всегда буду жить

в театре... Потом у меня до самолета время было, приехал в ферганский театр, в котором отец работал. Когда-то он взял в театр маленького узбека – Жору. Тот так и рос при театре. Стал электриком. Я его встретил. Он меня еле узнал и рассказал такую историю: когда отца насильно отправили на пенсию, поздно ночью тот пришел в театр, поднялся на сцену, опустился на колени и поцеловал ее... Потом быстро встал и вышел. Вскоре отец умер... Человек, хоть раз вдохнувший запах кулис, поймет, о чем я говорю...

Мы очень много говорили с Робертом Де Ниро о том, насколько популярный человек способен влиять на ход исторических событий. Он убежден, что «Охотником на оленей» кинематографисты повлияли на отношение к войне во Вьетнаме. Поддержка кандидата на выборах знаменитыми артистами дает ему неоспоримое преимущество. Так что, думаю, влияние существует, по меньшей мере, оно возможно...

В национальных конфликтах нет ни правых, ни виноватых. Да и многих обстоятельств мы попросту не знаем... Нельзя примирить ссорящихся мужа и жену. Какие бы благородные цели ты ни преследовал, твое вмешательство обернется результатом, противоположным тому, которого ты хотел достичь. Еще и вмешаться не успеешь, а уже станешь злейшим врагом для каждой из противоборствующих сторон...

В Армению после землетрясения (землетрясение в Спитаке в 1988 году) хотел поехать, помочь, но был очень занят в театре – не получилось. Вообще возникает ощущение, что жизнь проходит мимо, и так страшно вдруг становится: чего-то не успел, что-то забыл, упустил, не обратил внимания. И это ускользнувшее, проскочившее мимо вдруг оказывается самым важным, главным. Тем, ради чего хочется и стоит жить...

* * *

Миф о том, что актеры – это в некотором смысле небожители, поддерживают сами актеры. Из последних сил шьют себе платья, костюмы, чтобы хоть как-то выглядеть, потому что они Актеры! Потому что артист не может выйти на сцену в старых туфлях, в рваных брюках, он их заштопает или придумает что-нибудь еще... А зарплата? Разве это зарплата звезды? Ну, не может звезда ездить в метро, не может! Хотя бы потому, что люди не должны каждый день ее видеть, они должны мечтать об этом. А когда они встречают актрису, которая только что сыграла Джульетту, в очереди за мясом вместе с тетей Маней... сами понимаете... Хотя случается, что мы работаем просто так, «за идею». У Балаяна я могу сниматься бесплатно. У Соловьева могу сниматься бесплатно... Ну, а за позор надо платить...

Я делаю все, чтобы ни от кого не зависеть, никому не быть должным. Хотя, естественно, долги есть. И денежные, и моральные...

* * *

...У меня всегда было множество друзей-журналистов, и я никогда не вступал ни в какие перепалки с прессой, но сегодня наглость репортеров, или как их еще назвать, я не знаю, перешла, по-моему, всякие границы. Происходит это от безнаказанности, и если законы не действуют, государство не в состоянии нас защитить – остается только мечтать о такой вот лицензии, чтобы иметь возможность самому постоять за свою честь.

На Западе ведь тоже есть «желтая пресса», но там я хотя бы могу подать в суд, и если судьи признают, что я прав, газета пойдет по миру. Здесь же я могу только набить морду наглецу. А что делать? Вот мальчик в «Московском комсомольце» написал про меня, что «Саша Абдулов продан за кусочек булочки...» (Это по поводу того, что мы согласились работать в команде Марка Рудинштейна)...Послушайте, мне сорок лет, я народный артист России. Какой я ему Саша? Какое он вообще имеет право на подобный тон? Нет, я понимаю,

что каждый должен иметь возможность высказывать свое мнение, – ну, критикуйте меня за то, что я плохо где-то сыграл, но и у критиков должна же быть какая-то культура и ответственность за свои слова. А парень этот, он даже не был на вечере, про который писал...

Говорят: «А вы давайте опровержение!» Хорошо, один раз «Комсомолец» уже давал опровержение. Но теперь я хочу его найти и по-мужски с ним поговорить.

С «Собеседником» у нас тоже давний роман. Один раз они залезли в мою семейную жизнь – и я, честное слово, уже был близок к тому, чтобы набить морду их главному редактору, пришел к нему в кабинет. Тогда они тоже извинялись. Но ведь они не могут без жареного. Им же нужно привлечь к себе внимание – и вот появляется статья Даши Асламовой о ее сексуальных похождениях, как она со мной спала, с Хасбулатовым спала, а Травкину не дала... Да она, по-моему, просто больная женщина. И тоже решила таким образом «высунуться». Кстати, в Америке ведь была уже аналогичная книга, в которой журналистка описала свои романы со знаменитостями, но как она это подала: «Я счастливая баба – я спала с Кеннеди, я спала с тем, с другим – вот какие у меня были любовники!..»

Но что меня сильнее всего бесит – разве у нас не о чем больше писать, кроме как об исподнем белье? Это идет, по-моему, от грязных носков – знаете, когда человек сам ходит в грязных носках, он все время ощущает их, и поэтому ничего другого у него в голове просто быть не может.

Или читаю в «Московской правде» о том, что, оказывается, я открыл пельменную. Коля Караченцов, в интервью с которым это прозвучало, звонит, извиняется: «Я этого не говорил, просто журналист вписал такой вопрос – дескать, Абдулов открыл пельменную, а вы чем занимаетесь?» Ну как на такое давать опровержение? Хорошо еще, в Москве, в Петербурге люди прочитают и посмеются, а на периферии? Потом я приезжаю на встречи, а мне говорят: «Ну, как там ваша пельменная?» Или вот только сейчас в прессе написали, что Неелова вышла замуж за француза... Она говорит: «Саш, ну как мне теперь быть, писать, что это бред?» Глупость всегда легко ляпнуть, но потом, как ни странно, очень трудно отмыться. Вот, например, был случай с очень уважаемым мной Щекочихиным, который долго говорил: «Не надо трогать журналистов, берегите журналистов!» Потом у него спросили: «Как вы относитесь к Жириновскому?» А он ответил: «Ну он, знаете, такой клоун. Ну, как Леонов...»

Поэтому у меня большая просьба к журналистам: прежде чем писать о чем-то, а уж тем более о ком-то, надо хотя бы попытаться понять это что-то или кого-то, а лучше – просто полюбить. Актера действительно легко обидеть – все мы, к сожалению, очень ранимые люди, – пнут человека невзначай, потом скажут: «Ну, извини», – а этого «извини» уже никто не слышит...

Интервью перед выборами в московскую городскую думу

Дело в том, что я очень хочу заниматься именно тем делом, которым и занимался до сих пор. Я просто хочу, чтобы при этом у меня были развязаны руки... *(Александр Абдулов – инициатор благотворительной акции «Задворки Ленкома», на средства от которой был восстановлен храм Рождества Богородицы в Путинках. До этого там почему-то содержали собак. Именно в этой церкви, восстановленной благодаря энергии, крови и поту, а главное – желанию ленкомовских актеров и их друзей, потом отпевали всеми нами любимого Евгения Павловича Леонова. На средства от одного из грандиозных шоу «Задворок» был приведен в порядок детский дом для детей-инвалидов в Дмитровском районе Московской области. Очевидцы говорят, что персонал детского дома рыдал, глядя на все эти свалившиеся точно с неба компьютерные классы, и твердил, что такое в наше время – просто невозможно.)*

Я хочу – и это один из пунктов моей программы – восстановить парк и усадьбу «Кузьминки», создать, может быть, на базе Московского областного драматического театра в Кузьминках (ведь такая огромная площадь – и так мало задействована) звездный театр. Возможно, именно сюда будут приезжать и здесь, на этой сцене, будут выступать лучшие труппы зарубежных театров со всего мира.

Да даже если я и не пройду в Думу, то мы с друзьями соберемся вместе, «закрутим» какой-нибудь грандиозный концерт или шоу и постараемся восстановить усадьбу «Кузьминки» – поверьте, это не настолько трудно, насколько кажется. Но многие вопросы депутату решить проще.

К войне отношусь так же, как, думаю, большинство здравомыслящих людей. Я считаю любую войну величайшей трагедией. Не понимаю, почему в Чечне должны гибнуть наши ребята! Я не очень хорошо понимаю в этой связи политику и позицию президента страны. *(Ельцин Б.Н. – первый президент РФ, 1993–1999 гг.)* Но!.. Я не баллотируюсь на пост министра обороны. Я собираюсь заниматься совсем другими вещами, и жилищное положение одинокой старухи – то, что как депутат я, видимо, смогу разрешить, – кажется мне задачей не менее важной.

Я даю номер своего телефона огромному количеству людей. Я хочу собрать команду компетентных, инициативных специалистов, на которых (в процессе работы выяснится, кто есть кто) можно было бы положиться; команду, где каждый бы отвечал за свой участок работы; команду, которая хотела бы со мной работать по всем направлениям.

Я еще в детстве понял, что никогда никакой добрый дяденька не придет к тебе и не скажет: «Сашенька, на тебе». Все это сказки. Если сам не сделаешь, то никто не сделает. Привычка к труду, она воспитывается с детства. Нас было три сына в семье. Родители пропадали в театре. Папа был режиссером, мама – гримером. Дома мы сами мыли полы, сами готовили. Я и сейчас все делаю сам.

1995

* * *

У меня всегда работа на первом месте, потом – семья. Знаете, сколько помню (а наша антреприза существует уже более десяти лет), я ни разу не видел, чтобы в зале были свободные места. У нас всегда битком, всегда аншлаги. Всегда. Причем часто мы играем и в залах на две с половиной тысячи мест, а в Ленинграде, например, собираем Дворец спорта... Когда мы только-только начинали работать, у нас у всех была такая вера, что ли, в успешность

нашего предприятия. Зачем же начинать, если ты не уверен? Конечно, надо было верить. Вот мы и верили. Да и сейчас то же самое. Это мой хлеб. В принципе, это все было сделано для зарабатывания денег. Точно так же, как и работа на телевидении, и съемки в сериалах. Сейчас одновременно я снимаюсь в четырех картинах: «Блокада» (совместно с американцами), «Анна Каренина» у Сергея Соловьева, «Мастер и Маргарита» у Бортко. Я очень суеверный человек и заранее ничего говорить не буду, да и не хочется. Что касается романа «Мастер и Маргарита» и всей этой мистики и чертовщины, которые якобы связаны и с романом, и с попытками его экранизации, – так это ваш брат журналист придумал. И режиссеры. Ну, значит, не смогли поставить, не сумели. А во Владимира Бортко я верю. Он замечательный режиссер, он это доказал и «Собачьим сердцем», и «Идиотом».

Только что я закончил писать новый сценарий – «Гиперболоид инженера Гарина» по роману Алексея Толстого. Если, бог даст, все будет хорошо, в декабре начнем это кино снимать.

Знаете, вопрос о том, сидит ли наш зритель у телевизора или же вернулся в кинотеатры, он и теперь актуален. Просто у нас кинотеатров не было. Это идиотизм наш: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» Ну, разрушили до основания, а дальше-то что? А там – пустота. Все кинотеатры пустили под рынки, под салоны. Прокат разрушили. А между прочим, в Советском Союзе кинопрокат был третьей строкой дохода государства после водки и табака. Кинопрокат содержал всю медицину и образование, понимаете? И это все разрушили! Ломать – не строить...

Мое отношение к современным телевизионным играм, в которых люди демонстрируют далеко не лучшие свои качества, но при этом зарабатывают деньги, совершенно однозначное – это надо показывать. Вот я и сам веду передачу, в которую приходят люди, желающие заработать легкие деньги (*экстремальное шоу «Естественный отбор»*). И я не то чтобы не уважаю этих людей, но примерно что-то такое я к ним испытываю. Я делаю все, чтобы это было заметно. Потому что я считаю, что деньги нужно зарабатывать. Надо работать. А ждать, когда богатство сверху упадет, – это как бы сказать помягче?.. Но люди приходят, уверенные в том, что все это вполне нормально. Наглые причем. Начинают возмущаться, если их ставят на место. И тем не менее, она мне нравится, эта передача. Скоро мы будем снимать продолжение – еще двенадцать выпусков. Эта программа – она ведь оригинальная, наша, а не краденая, не лицензионная. Это же такая редкость нынче – по-моему, она вообще одна такая, остальные все «сперты»!

Свои первые деньги я заработал в пять лет, я вышел на сцену в театре в роли деревенского мальчика – получил три рубля и принес зарплату домой.

* * *

Каждый сыгранный спектакль, он словно прибавляет тебе возраст: два с половиной часа на сцене – это не такое простое занятие. И конечно, полная глупость и пошлость то, что якобы сцена лечит, что якобы энергия зрительного зала возвращает тебе молодость. От зала, конечно, очень многое идет.

Если зал «дышит», если зал реагирует, то, конечно, отдача будет больше. У меня однажды была замечательная ситуация на одном спектакле. В первом ряду сидели муж с женой. Они смотрели-смотрели, и вдруг жена, ни слова не говоря, развернулась и – бац: залепила мужу по роже, отвесила такую увесистую пощечину, наотмашь, со всей силы. И он голову спрятал, отвернулся. А она дальше смотрит. Значит, так: история из спектакля совпала с ними, с их жизнью... Я понял, что точно попал в цель, в этот нерв.

Когда я в первый раз посмотрел фильм Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки» с Джеком Николсоном, я хотел уходить из профессии. Это было давно, в такое

время... Я тогда понимал, что мне такой материал сыграть никогда не дадут. Что у меня не будет возможности даже попробовать такое сыграть или нечто подобное. Знаете, раньше об актерах ходили легенды, а теперь сплетни. При том количестве информации и дезинформации, которое на нас обрушивается, народ попросту тупеет. Сейчас время шарлатанов, сейчас очень легко обмануть. К сожалению, мы перестали писать письма, перестали читать. Я недавно чуть не упал со стула, когда по телевидению услышал о том, что провели опрос и составили рейтинг популярных актеров. Спросили у людей, кто знает Никулина и кто знает Шварценеггера. Оказалось, Шварценеггера знают больше, чем Никулина... Я уже не говорю о таких актерах, как Черкасов или Симонов. Услышав эти фамилии, люди спрашивают: «А кто это?» Мы довели страну до этого состояния.

* * *

Жизнь одна, хочется все попробовать. Ну, кто-то может тупо сидеть на одном деле, я не могу. Хотя все болит, что может болеть, видеть стал хуже, но больше всего устаю от безделья.

Иногда могу заснуть абсолютно одетым, в дубленке. Я еще молодым, когда одновременно снимался в четырех-пяти фильмах и облетал самолетом за сутки по четыре города, придумал для себя выход. Шапочку вязаную ношу, и вот на глаза ее – оп: все, ночь. Клянусь, шапочку на глаза – и сразу заснул. В секунду. Сейчас домой приезжаю (мы живем за городом) – ложусь на диван, собака ложится рядом, кошки две – на меня. И вот пока они «ур-ур-ур» – это какое-то успокоение. Сегодня утром встал, кошки на мне лежат. Пошел, дал им пожрать, пустил собаку погулять, вышел, мама спросила, чего я так поздно вчера вернулся, – ну, на то она и мама. Дальше уехал, сидел монтировал. Вот что такое жизнь, как можно объяснить? Одна из моих кошек прибилась на Валдае на съемках. Я жил в частном домике – и как-то смотрю, у входа котенок стоит кричит, уже умирал совсем, такой скелетик был. Я его пипеткой выкормил-выходил, с собой забрал, а когда привез, смотрю, жена в это время другого взяла, тоже маленького. Сейчас таких два братана вымахали – фантастика. Один рыжий, другой непонятный, как чернобурка.

Самое сложное из того, что приходится переживать моим близким, – это мое отношение к профессии. Домой прихожу уже не я – тень, руины мои приходят. Терпеть все время руины тяжело. Я бы не хотел, чтобы ко мне руины приходили. По идее, это невыносимо.

* * *

В картине «Бременские музыканты и С⁰», над которой я сейчас работаю, девятьсот восемьдесят семь кадров, я помню наизусть каждый дубль. Я, который забывает собственный телефон, никогда не думал, что на это способен. Я не вижу человека. Вот смотрю на кого-то – думаете, вижу? Это у меня «аудио» идет, а «видео» – совсем другое: чего я сегодня склеить забыл. Несинхрон абсолютный. Такое состояние. Я не боюсь браться за работу. У меня и редактора нет, и второго режиссера. Я привык сам за все отвечать. Если что-то не получится, виноват буду только я. Но оно получится.

Кажется, Белла Ахмадулина сказала: «Кто чего боится, у того то и случится». Когда-то я снял полудокументальный фильм «Храм должен остаться храмом» – это был мой первый режиссерский опыт. Потом, у меня как у актера сто двадцать картин, и уж я в монтажной посидел. Я всегда сидел в монтажной у Балаяна, у Соловьева, у Гинзбурга.

Наверное, да чего скрывать – я боюсь выйти в тираж, но не более, чем любой из нас... Я знаю себе цену как артисту – не по газетам, а по зрительному залу. Кроме того, я не сижу, не жду, чтобы меня позвали. Сам хожу... Начинал когда-то с массовок, половины уже не

помню. По-моему, было такое – «Фронт за линией фронта»: я там бегал в атаку. Все время бегал. Человек не имеет права сидеть ждать чуда. Кому-то повезет, а кому-то – нет. Я же не говорю, что Смоктуновский – плохой артист. Но он полжизни прожил под лестницей в Театре Ленинского комсомола, и дядя Ваня Толкушкин, закройщик наш, его кормил. Когда Смоктуновский стал князем Мышкиным, все сказали: «Гений», но это был тот случай, когда чудо произошло. Но оно могло ведь и не произойти... Я приехал из Ферганы как дворняжка, которая собиралась завоевывать Москву. Я этого хотел. По ночам разгружал вагоны, жил в общежитии – пять лет на Трифоновской, восемь – на Бауманской. Для меня это нормально. Я не жду доброго дядю. Ситуация падения, она ни для кого не исключена – если мозги откажут, стану дауном – тогда не исключена. Но все будет нормально, если я сам буду нормальным, сам не пушу себя в тираж, не пойду на телевидение. Нет, никогда не брошу камень в тех, кто снимается в рекламе, в сериалах, но вы много видели артистов, которые играют в «Ментах», а потом в хорошем кино? Я не пойду в сериалы, пока они не станут такими, какие делали Аранович, Лиознова. Болтнев в «Противостоянии» у Арановича сыграл гениально просто, Басилашвили там замечательный, вообще, это суперфильм. А сейчас сниматься в сериалах – это почти самоубийство.

* * *

У меня есть мама, жена, брат, дочь – это как бы первое. Новых друзей, как ни странно, нет. Минимум мы дружим лет по десять, максимум – по двадцать пять – тридцать: Вова Черепанов – звукорежиссер театра, Орсеп Согомоян – художник, Леша Орлов – бизнесмен, Витя Сергеев – директор «Ленфильма». Когда мы познакомились с Ильей Хотюшенко, он был простым милиционером, сейчас – начальник отдела. Совсем сумасшедший человек, больной в своей профессии. Ему вот уже никуда не нужно ездить, он начальник, все замечательно, а он поехал – в Назрань, брать какого-то там бандита. Ну, это я совсем старых друзей назвал. Если я дружу, человек автоматом допущен в дом. И Коржаков не «нужный» мне человек, просто мужик хороший. Есть такая категория людей, которых мама вообще считает своими детьми. Когда Анар Мамитханов из Баку приезжает, мама говорит: «Видите, ребенок пришел». Конечно, из театра: Олег Янковский, Саша Збруев, Сережа Степанченко, Саша Карнаухкин – мой однокурсник, тридцать лет мы вместе.

Дай бог, чтоб у Олега (*Янковского*) был замечательный фестиваль (*«Кинотавр»*), но и те два, которые делал я, тоже, считаю, классными были. Московский мы с Соловьевым взяли, когда фестиваль был в состоянии полного ноля – его не было, а мы хоть до какого-то уровня его дотасили. Однако столько гнусных сплетен ходило о финансовых махинациях... Я счастлив, что дачу успел построить до того, как стал заниматься фестивалем. Вообще могу признаться: пришел получать зарплату – и чуть не заплакал, клянусь. Восемьсот рублей за полгода работы. Все знакомые сказали: «Ты debil». Вот если бы сейчас снова заняться фестивалем, я знал бы, как заработать. Но опять же – «себе» скверный характер не позволит. Притом я дико порочный человек, я игрок, играю в казино, но только на свои, всегда. Не украл, не убил. Однажды приехали в Египет на съемки, спонсоры не перевели денег, а я группу привез. Все с ума чуть не посходили. А я каждый день вечером после съемок ехал в казино – туда триста километров, обратно столько же, – садился и делал ставки по пять долларов. Никогда в жизни не играю по такой мелочи – всегда по-крупному. Но у меня была цель – выиграть группе суточные на завтра. Выигрывал – уходил, все мне говорили: «Куда? Ты с ума сошел», – обычно я сижу подолгу. А тут нет, уходил, раздавал людям деньги, и это длилось почти две недели. Что до прочих недостатков... два года не курил, нельзя мне, на фильме «Бременские музыканты» опять начал. Люблю женщин, люблю футбол – вообще

азартный человек. Кстати, я еще со школы мастер спорта по фехтованию. И может быть, играть все время – это не порок, а даже хорошо.

* * *

Я верю в людей, верю в жизнь. У меня есть один критерий «настоящего» – стыдно или не стыдно. Стыдно мне за эти кадры? Нет. Дальше поехали. А за эти? За эти стыдно. Все, убираем. Естественно, я сомневаюсь в куче всего, но об этом никто не должен знать. Я делюсь только радостью. Быть с кем-то в горе – самое простое. «Такая потеря» и т. д. Вот порадоваться вместе, когда у тебя все хорошо, – другое дело. За свои сорок шесть лет я проверил это несколько раз. Еще в тридцать три года придумал тост: «Дай господь, чтобы все хорошие слова мне говорили в спину». Понимаете? Не в лицо. В лицо все говорить умеют, а стоит только отвернуться...

...Еще я очень хотел сыграть короля Лира в сорок пять лет. Так гораздо интереснее. И обо всем договорились с Някрошюсом (Эймунтас Някрошюс – известный театральный режиссер из Литвы), деньги были, Захаров уже объявил об этом на собрании труппы. Но Някрошюс куда-то свинтил в последний момент. Не знаю, может, испугался. А дочь у меня потрясающая, очень серьезная. Английский уже знает гениально. Ей двадцать четыре, училась на юридическом, стажировалась в одной из старейших английских адвокатских контор, сейчас бросила это дело и в телекомпании «ВИД» делает свое ток-шоу с детьми разных известных людей.

...Думаю, мои близкие видят во мне главу семьи. После папиной смерти в 1980 году кто-то должен был стать «вожаком стаи» независимо от возраста – помните «Крестного отца»? Маме восемьдесят три года, брат старший уже на пенсии. Мы уже лет восемь живем на даче. Есть двухкомнатная квартира на «Соколе», но мама мечтала о своем доме, и теперь у меня два дома на участке в двадцать соток. У них – маленький, двухэтажный, в тридцати метрах от моего дома. Мама живет на первом этаже, брат на втором. Можем неделями не видаться. Еще у меня есть один автомобиль, «Вольво». Его в день рождения подарил мой товарищ, когда у меня от театра сначала угнали «БМВ», а потом джип – те, что милиция до сих пор не может найти. Ощущение такое, что тебе плюнули в лицо. Но если сейчас найдут, я в эти машины уже не сяду. Это, знаете ли, как изменившая женщина, как бы порченная. Думаю, я не смог бы простить измену. И дело даже не в том, что я бы не смог простить, – я не смог бы жить с ней. Если в процессе общения она мне говорит, что я у нее один, а после оказывается, что «я» у нее три, мне это неинтересно. Ну, не могу сказать, что я себя не люблю. Я к себе, любимому, хорошо отношусь. Знаете, человека нужно принимать таким, какой он есть. Только необходимо точно понимать грань между тем, что ты готов принимать, а что – нет.

В канун наступающего нового тысячелетия очень хочу, чтобы мама была жива, чтобы дома все было хорошо, чтобы в Чечне все кончилось. У меня даже есть идея помочь Комитету солдатских матерей, устроить гала-концерт, хотя бы собрать для них денег. А для себя ничего особенного – просто жить хочу.

* * *

В КГБ меня вызывали много раз. Два раза даже пытались вербовать. После чего я сказал: «Ребята, я по-вашему не понимаю, поэтому разговора не будет». Когда первый раз на Кубу поехал, то ко мне, оказывается, специального человека приставили.

В последний день, перед возвращением, он, пьяный, подошел ко мне, подарил большую морскую раковину и сказал заплетающимся языком: «Саша, спасибо, что ты не

остался». Потом несколько раз меня вызывали накануне поездки в Париж с «Юноной», с которой перед этим меня не взяли на гастроли в Португалию и еще в какую-то страну. В Париже я в первый день лихо пошутил, хотя позже понял, что эта шутка могла кончиться для меня серьезными неприятностями. С нами поехали человек шесть «искусствоведов в штатском». И вот я вышел из гостиницы, увидел, что они стоят спиной ко мне, и на полном серьезе спросил: «Вы не подскажете, как будет по-французски: “Я прошу политического убежища”?» И здоровый такой мужик, Сан Саныч, замечательный, как потом выяснилось, человек, повернулся и сквозь зубы сказал: «Я тебе дома переведу». Вообще-то, я довольно рискованный человек: ну вот я попробовал снять фильм. Теперь хочу попробовать сделать как режиссер спектакль в «Антрепризе Абдулова», рок-оперу. Уже есть музыка, либретто Николая Дуксина. Я ездил в Париж смотреть балетмейстера, которого мне знакомая посоветовала. Его зовут Режис Обадиа. Уникальный парень, просто потрясающе интересный. Он работает и как режиссер, и как художник, и сам танцует.

* * *

У Чехова сказано о писателе, который, стоя у постели умирающего, страдает и в то же время наблюдает за своим страданием, – то же самое и у актера. Думаю, что актер даже более наблюдателен, чем писатель, потому что он детали должен ловить. Может, мне опыт игрока и пригодился, но вообще-то это другая история. Это же не рассказ о казино, а история падения и возрождения. У меня долгое время не получалась эта роль (роль Алексея Ивановича в спектакле «Варвар и еретик»), и я дико переживал, дергался, был в чудовищном настроении. Но потом что-то произошло. Говорят, что ничего... А вы знаете, что у меня за двадцать пять лет в театре не было ведь никаких наград. Нет, вру, за первую роль я получил «Золотую маску», а потом долго ничего не отмечалось. И вот за «Варвара» я получил и «Хрустальную Турандот», и «Чайку», и премию Станиславского. Но, наверное, ценнее всего то, что моя мама смотрела спектакль и плакала. Ей очень понравилось, и это для меня самая большая награда.

* * *

У меня есть в Москве квартира, но вот восемь лет назад я просто решил, что, пока есть силы, пока могу заработать, построю дом и себе и маме на одном участке, перевезу туда брата. Брат живет вместе с мамой, я живу один – воплотил свою мечту жить в лесу, просыпаться и не видеть ни соседей, никого. Вот мои две собаки выбежали во двор, и я вышел. Я даже иногда, когда летом домой поздно прихожу, то остаюсь спать в гамаке на улице. Это один из самых старых дачных участков. У меня, например, слева за забором – дача Утесова, дальше – дача Любови Орловой, напротив – дача Сергея Образцова. Это такое, можно сказать, «намоленное место». Там аура сумасшедшая...

Мама клубнику растит, укропчик, лук сажает, она это любит. Я ей там парник поставил. Ну, это как бы такие домашние радости для мамы, брата, моих друзей. Семья, знаете, понятие растяжимое. А семья, наверное, это и я сам. Я, мои собаки, попугай, зеленый такой, «ожереловый» называется. Кошки еще жили, но недавно ушли. Меня предупреждали, что если два кота в доме, то один может убежать. Они очень дружили, спали в обнимку, как два брата, – рыжий и черный. Сначала исчез черный брат, а потом и рыжий, он долго орал-орал, а потом тоже ушел. А собаки дома. Одну мне подарили на день рождения, а вторую, спаниельчика, я подобрал на улице. Грязный такой был. Ребятки-охранники, которые его подкармливали, говорили – он уже неделю там бегал. Когда я открыл дверь машины, он вдруг разбежался, прыгнул и сел рядом. Я подумал и решил, что он будет моим.

Знаете, я поначалу очень болезненно реагировал на то, что обо мне пишут в прессе, крайне болезненно реагировал. А сейчас уже перестал. И даже не читаю ничего. Глупо реагировать и тем самым кормить журналистов: отвечать им через ту же прессу, скандалы устраивать. А она тебе еще раз, а ты снова опровержение даешь... Зачем? Когда-то я на это обижался, а сейчас мне наплевать. Бывает, приходят с умным видом корреспонденты и спрашивают: «Расскажите, пожалуйста, как вы стали артистом?» Вот что я должен им рассказать? Ну, возьми хоть энциклопедию почитай, подготовься, имей уважение, узнай, с кем и о чем будешь разговаривать. Правильно? Это ведь тоже входит в понятие профессионализма. А когда человек ждет, что я ему сам все выложу, а он потом поставит под этим фамилию Тютюкин и причислит себя к пишущей братии, то зачем мне с такими людьми общаться? Поэтому и пошла обо мне молва, что я не люблю журналистов и все время с ними скандалю.

Близким со мной очень трудно. Я бы сказал, что невозможно. И характер поганый, и профессия такая, что все время нервы навывпуск.

* * *

Мне довольно часто задают вопрос, которым обычно третируют актрис: не стыдно ли мне раздеваться перед камерой? Каково мужчине в подобной ситуации? У нас на этот счет шутка есть: когда снимаются постельные сцены, я Лебешеву, замечательному оператору, всегда в таких случаях говорю: «Паша, ниже пояса не снимать – можешь разрушить имидж».

Помню, как-то играл в очень смешной картине про сумасшедшую любовь, где мы появляемся вдвоем с героиней голые то в одном месте, то в другом. Актриса обнаженной работать отказалась, взяли дублершу, а я сам решил. Снимали в Ялте – в безлюдных местах у моря, в горах. И когда подъезжали к гостинице «Ялта», режиссер увидел огромную живописную поляну незабудок. Утро, никого нет, и он говорит: «Ребята, давайте снимем, как вы в незабудках лежите, красиво будет». Ладно. Мы разделись, легли и только начали что-то делать, как вдруг в это время подъезжает автобус, и из него выходит японская делегация. Смотрят: прямо перед ними в незабудках лежат два голых человека, целуются, обнимаются и так далее. Они были приятно удивлены, достали фотоаппараты, начали фотографировать. Потом они, конечно, поняли, что это съемка, но первое ощущение у них было довольно забавное. Вообще я считаю, что это, как говорится, издержки профессии. Если надо, значит надо. Это ж не то что мне хочется показать, какой я. Вот играл инженера Щукина в «12 стульях», и там нельзя было выйти в трусах, потому что весь смысл сцены в том, что герой вышел голым и за ним захлопнулась дверь. Ильф и Петров так написали – ну что я должен делать? Так в мыле и выходил. Ничего. Стояла огромная съемочная группа, все смотрели, дамы застенчиво хихикали.

* * *

Сейчас как раз Сергей Соловьев запускается с фильмом под названием «О, сердце!» («О любви») по Чехову. Я там «Медведя» буду играть.

Думаю, любовь, ее невозможно сформулировать и объяснить. Любовь – это то, что не понимается мозгами. Как только она становится разумной, расчетливой – это уже нечто другое. Любовь – сумасшествие, безумие и все что хотите. Со временем она перерастает в привычку, жизнь идет, и все. А вначале это неземное состояние, когда ты не ходишь, а летаешь, когда от прикосновения руки можешь сойти с ума, – совершенно неконтролируемый процесс. Причем у всех она проявляется по-разному, кто-то даже берет и прыгает с десяти этажа. Расчетливый человек разве может пойти и прыгнуть вниз головой? А я знаю, что способен на подобные безумства... У меня раза два в жизни было нечто невероятное,

когда я творил такое, что боже мой! И вены резал, и с пятнадцатиметровой вышки прыгал. Попробуйте прыгнуть, я посмотрю на вас. Меня сейчас и самого туда не затащишь. Никогда в жизни – самоубийца, что ли? А тогда прыгал, чтобы показать, на что способен.

Удовольствия бывают разные. Нельзя, конечно, все ставить в один ряд, но это могут быть и женщина, и друзья, и машина, и вкусная еда. Или солнце вдруг вышло – и ты радуешься, подставляя ему лицо. Я люблю свой дом в деревне на Валдае, люблю садиться на водный мотоцикл и гонять по озеру – это такое счастье! Там тридцать с лишним уникальных озер, которые остались после ледникового периода, в них просто потрясающая вода. Раз десять за лето туда ездил. Я снимался в тех местах в «Тихих омутах» у Эльдара Рязанова, у которого тоже там дом есть.

Знаете, странное дело – я просто влюбился в это место, мне оно безумно понравилось. Там свой микроклимат, абсолютно другая жизнь. У меня невероятно красивый дом, я его сам построил. Он сложен из огромных бревен. На Валдае его очень красиво называют – дом Медведя. Ко мне как-то ехали друзья, искали-искали, остановились и спрашивают: «Где здесь улица Белова?» – «А что вам надо?» Они отвечают: «Нам к Абдулову». – «А, дом Медведя?» – и сразу дорогу указали.

* * *

Я вообще-то не светский человек в таком, общепринятом смысле. Ни на какие тусовки не хожу, люблю душевную компанию или просто по-тихому уехать на дачу. А ходить куда-то, чтоб лишний раз где-то мелькнуть, мне это уже не надо. Когда я вижу по телевизору одних и тех же людей, то не понимаю, как они успевают перебегать с тусовки на тусовку. Смотришь, идет какой-то концерт – они там сидят, переключаешь канал – и там они же. Причем ведущий этой программы снимает ведущего следующей, и так далее. Такое впечатление, что они переходят из павильона в павильон. Я это уже видеть не могу. Да, собственно, и не смотрю. Но когда прихожу домой, то сразу включаю телевизор – просто чтоб мелькало, шумело. И такое ощущение, что в доме еще кто-то есть. Я могу глядеть на экран и ничего не видеть. А смотреть люблю футбол. Да я и сам в него неплохо играл. Даже кубок есть, который ленинградская команда «Авось» выиграла на чемпионате Москвы. Тогда команд двадцать за него сражалось: ансамбль «Березка», Театр Маяковского, Театр Моссовета, ТЮЗ. В финале мы играли с Театром Маяковского, который тренировал сам Старостин. Вот это был праздник! На матч приходили главные режиссеры, с той стороны были Андрей Гончаров, Армен Джигарханян. От нас – Марк Захаров, Евгений Леонов, Татьяна Ивановна Пельтцер. На стадион являлся весь театр, приходил оркестр с инструментами, играли, свистели, орали. Это было целое зрелище, настоящее шоу. Куда бы мы на гастроли ни приезжали, везде матчи устраивали. Помню, однажды в Саратове, где мы играли с интеллигенцией города, такое невообразимое количество зрителей собралось, что их умоляли сойти с трибун, чтоб те не рухнули.

Конечно, кроме кубков в моем доме есть еще некоторое количество исторических предметов. Вот висит в рамке билет на самолет, который разбился. Я должен был лететь на нем в Ленинград.

Еще на стенах моего дома висят фотографии с Робертом Де Ниро, с Катрин Денев – я знаком с ними. Де Ниро три раза приезжал на Московский фестиваль, во времена, когда я был его директором. Есть снимки с Ричардом Гиром, который тоже трижды приезжал в Москву, и все три раза я его принимал. Там висит портрет Евгения Павловича Леонова. Из картин у меня есть Анатолий Зверев, есть работы и других художников, но не могу сказать, что я коллекционер. Вот что дарят, то и вешаю. Не собираю ни банки, ни спичечные коробки. Пытался собирать деньги – тоже ничего не получилось. Хотя. Не будем разрушать имидж. Пускай все думают, что я миллионер и у меня все хорошо.

Серьезно ответить на вопрос о том, насколько имидж человека отличается от его реального содержания, довольно трудно, может быть, даже невозможно. Ну не стану же я рассказывать о том, какой хороший человек Александр Гаврилович Абдулов... Ну, хотя некоторые люди видят во мне другого, отличного от реального, мол, такой везунчик, баловень судьбы, смазливая мордашка, герой-любовник и все в том же духе. Как-то принесли мне статью с такими «тезисами». «Звезда устала» называлась эта статья. В ней было написано о том, что, дескать, я уже отработан. И мне невероятно захотелось спросить у автора: что значит «отработан»? Когда за год человек сам снимает кино, снимается в двух четырехсерийных телефильмах и двух художественных фильмах – это что, отработан? Пусть мне назовут, кто за этот год сделал больше.

Я невероятно гордился тем, что двадцать лет курил, а потом в одночасье бросил и два с половиной года не прикасался к сигаретам. А вот на съемках «Бременских музыкантов», когда разыгралась буря и мы ничего не могли сделать, со мной просто началась истерика, и я снова закурил. И очень стыдился этого.

В общем, в какие-то такие моменты особенно чувствуешь, как быстро летит время. Последний юбилей, сорок пять лет, у меня бурно прошел. Ко мне приехали человек сто. На день рождения ко мне гости всегда сами приезжают, без приглашений, из разных концов страны, из-за границы. А у меня же участок приличный, места много, и все действие происходило на улице, поскольку это конец мая. И попал в нашу компанию Чак Норрис, который смотрел на это дело, удивлялся и постоянно спрашивал: «У вас что, сегодня какой-то общенациональный праздник?»

А что касается повседневной жизни. Да разве это жизнь? Мотаемся, мотаемся, мотаемся... Знаете, я вот раньше боялся отключать телефон. Думал, только отключу – и какой-то серьезный звонок пропущу, что-то важное не случится. А с некоторых пор я перестал этого бояться, поэтому сейчас я отключаю телефон довольно часто...

* * *

Уверен, внутри каждого из людей уживаются несколько прототипов, или, если хотите, персонажей. Снимаю вас целый день скрытой камерой, и в течение этого дня вы будете и булгаковским Коровьевым, и Стивой из «Анны Карениной», и Ноздревым из «Мертвых душ»...

Кстати говоря, Ноздрев, как я для себя выяснил, единственный в «Мертвых душах» положительный герой – он один не продал душу дьяволу. Он – эдакий постаревший Хлестаков: вот сидит он один-одинешенек в своей деревне и, чтобы разогнать скуку, все время себе что-нибудь придумывает. Развлекается, так сказать. Думаете, нужно ему было продавать этих несчастных собак – да не нужно. Мы в картине придумали эпизод, когда в деревне к Ноздреву выбегают человек тридцать детишек. И все как один рыжие, такие, как он. Представляете, вся деревня рыжая!..

Спрашивается, откуда взялся такой Ноздрев? А все просто – подсмотрел, взял из реальной жизни... У меня приятель есть, так вот, когда мы с ним приходим на пляж, я обычно шучу: «Леша, свитер забыл снять». Вот и герою своему я придумал такой грим: рыжий парик, рыжие бакенбарды, рыжие усы – настоящая медная проволока. Потом я расстегиваю рубашку – у меня и грудь такая же медная. Говорю: «Давно не брал я в руки шашек», засучиваю рукава – а у меня и руки такие же.

Категорически уверен – ничего лишнего в жизни нет. Все мое. Ну скажите, пожалуйста: от Коровьева можно было бы отказаться, или от Стивы, или от Ноздрева? Как можно отказываться от таких ролей?! Нет, мол, я еще подумаю, я еще подожду: а вдруг мне Гамлета предложат. Ну, сиди и жди! И это никакая не гонка, это образ жизни. Извините, я приехал из Ферганы, в Москве у меня не было никого. И все, чего в этой жизни я добился, я добился

сам. Если бы сидел и ждал, когда придет добрый дядя и даст мне конфетку, ни черта бы из меня не получилось... Конечно, устаю. Страшно устаю. Вот сейчас сплю и вижу, как первого мая сяду в самолет, улечу в Астрахань, возьму лодку и в полнейшем одиночестве уплыву в камыши и буду ловить рыбу. И так четыре дня. Кайф!

Знаете, вообще-то актер не должен говорить об усталости. Ну да, это край – дальше только гроб, летальный исход.

* * *

В последнее время я частенько становлюсь главным персонажем каких-то скандальных публикаций... Ой, такую херню пишут – что-то страшное. Например, что я уже на операцию лег, что с жопы перетянул кожу на лицо. Или вот про некое странное заболевание, после которого в театре со мной за руку никто не здоровается из опасения подцепить заразу. Действительно, не все со мной здороваются за руку, да и я тоже не со всеми.

Да, кстати говоря, я ведь однажды сам про себя запустил одну шутку, что, мол, певица Пола Абдул моя сестра. Как все купились! Подходили, спрашивали: «Сань, чего же ты молчал?» Так что запустить можно любую утку, да и написать можно все что угодно.

Естественно, как любому человеку, мне есть что скрывать. Ошибок в жизни много наделал. Но ни о чем не жалел и не жалею. Никогда. Ошибка? Да. Но это моя ошибка. Боль? Это моя боль. Актера нельзя жалеть. Люди, которые пришли в театр, не должны знать, что вчера, допустим, у тебя умер самый близкий человек. Им наплевать – они купили билеты: изволь, давай, солнце, играй.

Я не могу и не умею публично каяться в каких-то собственных грехах. Я никогда не рассказываю о своей личной жизни... И потому никто из посторонних о ней не знает. Придумывают что-то – ну и пусть придумывают. Чего-то подсматривают, где-то подслушивают – да и бог с ними. Но я-то ничего не говорю. В мою профессиональную деятельность, пожалуйста, лезьте – она публична. Но моя личная жизнь – это моя личная жизнь. Есть люди, которые пишут о том, как они спали с одной женщиной, потом с другой, дальше с третьей. А те, о которых пишут, они уже давно жены других людей, у них дети. Как вы считаете, это нормально? По моей морали, я считаю, что это подло. Вот, например, читает ребенок книгу или статью и узнает – оказывается, мою маму – того... Нет, я этого не понимаю. Представляете, если я сейчас напишу, с кем я жил. Ну-у-у!.. Это хороший многотомник был бы, волосы бы у всех дыбом встали. Я никогда этого не сделаю. Это табу. Этого делать нельзя.

* * *

Я иногда играю в казино. Но, конечно, сейчас не так, как раньше. От этой болезни можно излечиться. Можно. У меня-то был просто клинический случай – каждый день ходил в казино как на работу. А однажды наступил тот самый момент, когда я понял, что еще секунда, и тумблер сработает – у меня просто уедет крыша. Слава богу, за ногу к батарее меня не привязывали – до этого не дошло. С этой иглы я соскочил сам. Тьфу-тьфу-тьфу. Хотя, признаюсь, еще чуть-чуть, и бросил бы театр, продал квартиру, машину – все бы проиграл, до нитки.

Началось это в то время, когда в Москве открылось первое казино – в гостинице «Ленинградская». Та еще компания собиралась: это были абсолютно сумасшедшие люди, абсолютно больные на голову. И я не исключение – был момент, когда мне казалось, что карту уже видишь насквозь...

Выигрышей было много. Однажды я выиграл шестьдесят две тысячи. Долларов, естественно. Случалось, и по тридцать тысяч выигрывал...

А однажды, страшное дело. Однажды я проиграл весь свой гонорар за фильм. Причем за итальянскую картину. Не хочу даже вспоминать сколько... Причем, когда пришел в себя, спросил, что это за день был, – оказалось, тринадцатое число, пятница. В этот день из дома-то выходить нельзя, я уж не говорю про игру. Вот бес попутал.

Сейчас, да, бывает иногда, поигрываю. Но только если находятся лишние деньги. Пришли, допустим, в ресторан, а там казино: пойдем поиграем – пойдем. Но я знаю, что проиграть могу только определенную сумму, больше – не имею права. Просто я понял, что такое игра. Ведь на чем построено казино? Выигрывает тот, кто может вовремя сказать себе «стоп», встать и уйти с выигрышем. Сколько раз ко мне подходили: «Саш, ну уже столько выиграл, уходи». – «Сейчас-сейчас, еще разочек». И в результате уходишь ни с чем. Как в том анекдоте, когда из казино выходят двое: один в трусах, а другой вообще голый. И тот, который в трусах, говорит: «Ну, мужик, ты азартный!» Что до других распространенных пороков – ну да, я могу выпить, да, могу. Но при этом не понимаю, как можно пить, если у тебя вечером спектакль. Не потому, что я какой-то там шибко сознательный, – просто профессия не позволяет. Она потом так тебе отомстит! Я не знаю, что такое выпивать во время съемок...

... Категорически не приемлю любое проявление хамства... Если вдруг в какой-то момент происходит нечто подобное, направленное в мой адрес или в сторону близких мне людей, вполне могу дать по роже... А эти, извините, папарацци. При том, что я вполне адекватен и меня нужно очень сильно разозлить, очень сильно достать, чтобы вывести из себя. Я ненавижу, когда меня исподтишка фотографируют. Сидишь, например, обедаешь, а этот урод... Нет, по роже я его не бью. Зачем? Я забираю фотоаппарат и бью об пол. Я что, нанимался ему позировать? За это морду бьют, это неприлично.

* * *

Да уж, поклонники бывают разные. Мне довольно много пишут, вот, например: «Сегодня, 21 марта, мы решили поздравить вас, уважаемый народный артист, с началом весны...» – вот это по-настоящему приятно и даже замечательно. Просто поклонницы бывают и сумасшедшие, а есть абсолютно больные. Одна из них в Ленинграде уже много лет встречает меня на вокзале... Я, признаться, опасаюсь – не конкретно эту женщину, а в принципе. Ну как же: топором меня рубили – какой-то сумасшедший залез ко мне в дом, серной кислотой меня обливали... Я их просто боюсь – кто знает, что у них на уме. Одна, помню, ко мне подбежала и как закричит: «Я должна вам сказать, я не могу молчать, я должна!..» И подводит ко мне парня: «Это ваш сын». Посмотрел я на него: «Сынок, тебе лет-то сколько?» Он говорит: «Тридцать два». Я так посчитал: в тринадцать лет, ну да, теоретически – мог, конечно, но вряд ли. Говорю ему: «Мальчик, иди отсюда».

Думаю – да, меня есть за что не любить, может быть даже ненавидеть. Поначалу столько на меня анонимок писали – просто тома. Меня даже выгоняли из театра, я был шесть лет невыездным. Всякое бывало. А когда в соответствующих структурах мне дали разрешение на эти анонимки посмотреть, то мы с Сашей Олейниковым (*в 1990-е годы один из ведущих телеканала ТВ-6*) придумали такую передачу: мол, будем подходить к людям, написавшим эти эпистолы, и спрашивать: «Как вы относитесь к артисту Александру Абдулову?» И когда последует ответ: «Да, Абдулов – замечательный артист, такой хороший человек». – Он раз: «А как же, дорогой товарищ, так получается...» И достает из-за пазухи анонимку. Все уже было на мази, Олейников пошел в архив забирать дело. Но неожиданно ему отказали: «А мы вам не можем отдать». И аргументировали отказ такой замечательной формулировкой: «Потенциально возможен контакт с президентом». Представляете? А многие из тех, кто строчил на меня анонимки, до сих пор служат в театре. И я с ними здороваюсь. Ну а что с

них взять – несчастные люди. А я – счастливый. Нет, конечно, внутри себя я могу бормотать: «Господи, какой же я несчастный, как я устал – никуда не пойдешь, никуда не выйдешь, по улице ходить нельзя». Это я себе могу сказать. Публике – никогда.

* * *

Секреты молодости – не знаю, особых нет; ну, я слежу за фигурой. У меня уже на протяжении двадцати или даже больше лет стабильный вес – девяносто один килограмм. Я набираю килограмма два, взвешиваюсь и скидываю. За свой вес абсолютно спокоен. Когда я вижу разжиревших людей и они мне говорят, мол, понимаете, у меня вот конституция такая, я отвечаю: «Не жрать не пробовал на ночь?» Когда я вижу, как жрут макароны, булки, гамбургеры, когда, например, в Америку приезжаю, я смотрю на этих людей, и мне просто страшно. Это не конституция, это распушенность. Просто не ешь! Вот и все. Просто сила характера. Но во всем себя ограничивать только ради здоровья я вряд ли стану. Я люблю вкусно поесть. И люблю, и ем очень вредную пищу: жирный плов, баранину, люблю свинину. А вот кашку-малашку, потом две таблетки, вдогонку кусочек репки – не могу. Я не очень-то верю докторам, которые рекламируют свое чудодейственное лечение по телевизору. Я сталкивался с этой проблемой – помогал моему очень близкому другу. И, к сожалению, он умер. Я прошел все эти клиники.

Понимаете, все эти рассказы о том, что вот сейчас этот доктор вылечит все ваши болезни за двадцать пять тысяч долларов, не всегда верны или даже правдивы. Мне доктор говорит: «Нужно завтра лекарство». Я отвечаю: «Хорошо». Звоню по аптекам. Знаете, сколько стоят десять вот таких ампул? Девять тысяч долларов! Мы все, друзья, сложились, купили ему это лекарство. Правда, это тоже не помогло. Но каким образом нормальный человек может купить за девять тысяч долларов лекарство? О чем думают все эти люди, сидящие в Думе?! Конечно, сейчас безумно выгодно, чтобы вот все бежали в больницы лечиться. Например, от наркомании. Естественно, все хотят вылечиться. Но каких денег стоит это лечение... Это же безумие! Один хочет выжить, а второй – заработать на первом. Вот и все. Но я ни в коем случае не против докторов. Просто, понимаете, когда ты в сорок лет просыпаешься и у тебя ничего не болит – значит, ты умер.

Мне некогда ходить по врачам. У меня профессия такая. Сейчас на полгода вперед расписан каждый день... Я снялся в шести картинах, нужно еще это все озвучить. Начал снимать свое кино. Я снимал сутками – по двадцать четыре часа. Вот сегодня я закончил съемку в десять утра. А начал ее вчера, представляете? У меня выхода нет. Если я не сниму сейчас, я больше никогда не сниму.

Вы понимаете, все в руках Бога, у нас жизнь такая короткая. Если мы будем так думать: «Вот сегодня я полежу, а потом, там лет через пять, как дам, как дам!» Я не понимаю этого. Надо жить сегодняшним днем. И огромное счастье, что рядом есть такие люди, как врачи, которые понимают тебя. Я вообще за домашнюю медицину. Должен в каждой семье быть домашний доктор, который знает тебя, твоих детей, твою родословную.

У меня есть мои друзья, мои врачи, которых я не считаю домашними. Они помогают по жизни мне, маме, моим близким. Удивительные люди, и низкий поклон им за это. У меня была сердечная недостаточность, я прошел курс тридцатидневного лечения благодаря хитрости Юры Базиашвили, который меня всеми возможными правдами и неправдами заманивает к себе в клинику. Приглашает к себе просто так, мол, посидим, поговорим. Я прихожу к нему. Мы с ним разговариваем, пьем чай. Вдруг заходит врач, говорит: «Ну, раз пришел, давай мы тебя посмотрим». Врач – это великая профессия. Но, как и в любой другой профессии, есть люди, которым ты особенно веришь. Я, например, раньше при виде бормашины падал в обморок. Сейчас у меня есть зубной врач, мой друг Саша... я у него пять часов могу

сидеть. Лечение – это дело сугубо индивидуальное. Если человек умеет слышать свой организм, то сам может что-то делать. Я, например, извините, отравился чем-то. И точно знаю, где этот кусочек у меня лежит, ощущаю, знаю, чем отравился. Ну, это такое свойство моего организма.

Есть замечательный русский рецепт, помогающий практически от любой простуды: рюмка водки, пол-ложки перца, размешать и выпить. Это замечательно. Ты так потеешь, просто страшное дело. Выгоняет простуду моментально. Водка – одно здоровье. В нормальных дозах, конечно. Я не пью ничего другого кроме водки. Если честно, сейчас много суррогатов, все паленое. Акцизную марку подделать – тьфу. Говорят, мол, у нас защита там. Какая защита? Очень просто все делается...

Мне нужно бросать курить, сто процентов. Но я слаб, не могу. Бросил один раз, два с половиной года не курил и поправился на сорок килограммов. Ничего не могу с собой поделать. Даст Бог сил – может, брошу. Все-таки организм уже привык за сорок-то лет. Будто бы твердит: «Дай, дай никотина, дай никотина». А ты ему не даешь. Тогда он обидится и заболит.

Постоянно твердят о том, что в Америке все поголовно ведут здоровый образ жизни. И что же? Не такая уж здоровая жизнь в Америке, если честно – прямо смотреть невозможно. Они сами воют от этой здоровой жизни. Ну, запретили они везде курить. Что, у них смертность понизилась? Не понизилась. Так же мрут. Это ужас, и мы тут (в России) тужимся и повторяем за ними. Повторять не стоит.

Сколько уехало отсюда людей, которые сейчас лечат Америку, Францию, Англию. Наши люди лечат в Израиле. Я всегда говорил: для меня существуют две главные профессии – это учитель и доктор. Как такое может быть: человек, который воспитывает и лечит наших детей, будущее нации – получает униженную маленькую зарплату? Это чистой воды идиотизм! И пока мы этого не поймем, так и будем жить. Доктор и педагог должны получать много. Но и нести ответственность за то, что делают. Тогда это правильно. А если он, бедолага, работает на четырех работах да еще немножко шьет по вечерам... Что из этого выйдет?

* * *

Я живу. Я хочу жить! Я хочу сейчас съесть что-то – и съем. Я понимаю, вредно. Ну что поделаешь? Я хочу. Я, может быть, не прав. Но это личное дело каждого отдельно взятого человека. Купить здоровье нельзя. Следить за ним, поддерживать его, наверное, можно. Но у меня не получается. Я знаю столько примеров, когда люди, которые следили за своим здоровьем, просто пылинки с себя сдували, умирали в пятьдесят, в сорок семь лет. А есть люди, которые ничего для здоровья не делают, а живут. Вон Татьяна Пельтцер и курила, и выпить могла. И прожила девяносто с лишним лет. Опять же, я повторяю, это не рецепт. Это личное дело каждого человека. А уже что дальше с нами будет, это только Богу известно. Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет. Понимаете, конец-то один...

Знаете, замечательный анекдот есть. Батюшка с новым русским едут в купе. Батюшка говорит: «Давайте чего-нибудь поедим?» Новый русский отвечает: «Сейчас ведь Великий пост, я не могу». Батюшка отрезает колбаски, достает водочку: «Может, выпьем чего-нибудь, закусим, колбасочка вот?» – «Да нет, у меня же Великий пост!» Батюшка снова: «Тут в соседнем купе две девочки красивые. Пойдем, поухаживаем?» Новый русский: «Да ведь сейчас же пост!!!» Наутро пришел батюшка, довольный, закурил сигарету и говорит: «Праведно ты живешь, но зря!» Как хотите, так и понимайте.

* * *

Я сейчас играю роль генерала НКВД в российско – американской картине «Блокада». Мы сняли уже больше половины фильма, и вдруг в Санкт-Петербурге растаял снег. Работу остановили до зимы, и у меня появились свободные дни.

У меня отец воевал, и умер он от старых ран. Я в это поколение никогда камень не брошу. Да и потом... Если и вытаскивать какие-то неприятные истории о героях войны, то нужно к этому очень бережно относиться. Война есть война. И что там происходило на самом деле, никто не знает. Нам всегда говорили, что Гитлер был debil, идиот. Хорош идиот, когда он полмира завоевал! Я не понимаю, как идиот сумел завоевать полмира. Или те солдаты, которые кидались на дзоты. Разве их заставляли кричать «За Родину, за Сталина!»? Эти люди свято верили в свое дело. И так мало их осталось.

* * *

В свое время в парламент пошли и Марк Захаров, и Галина Волчек, и Олег Басилашвили, они искренне хотели изменить что-то к лучшему. Но потом поняли, что это невозможно. И ушли из политики, наверное, навсегда. Депутатская зарплата меня не интересует. Знаете, Раневская в свое время хорошо сказала: «Деньги прожрала, а стыд остался». Если я захочу заработать, я заработаю деньги своей профессией. Я видел, как некоторые очень близкие мои знакомые попадали в Думу и буквально через полгода становились другими людьми.

Вот мне с депутатской трибуны говорят о том, что ситуация в стране тяжелая, что надо помогать нищим. Но при этом я знаю, что у этих людей особняки за границей понастроены. На какие деньги все это куплено? Что, они их честно заработали? Так чем они в таком случае отличаются от обычного ворья? Или вот еще: какие нужно иметь мозги, чтобы на государственном уровне принимать закон о том, что можно вывозить из страны без декларации не более десяти тысяч долларов. Для кого они принимали этот закон? Для рабочих, для пенсионеров? Это какой же рабочий может вывезти в кармане десять тысяч долларов наличными?..

А вот закон о кино они принять почему-то не могут. Думаю, по одной простой причине – потому что кто-то платит бешеные деньги для того, чтобы иметь возможность забивать валом низкопробных американских фильмов наши кинотеатры и при этом окончательно угробить российский кинематограф.

Во многих странах совершенно нормальным считается регулирование национального кинопроката. И это установленный порядок вещей: не менее семидесяти процентов от всего проката – это должно быть свое национальное кино, и только тридцать процентов – зарубежное. И это тем более хорошо, что в этом случае кинодистрибьюторы будут отбирать для показа в России более качественное иностранное кино. А сейчас ситуация такая, что можно везти все что угодно. В итоге российский зритель не помнит, кто такой Черкасов или Никулин. А Шварценеггера знают. И ведь у нас есть собственное кино мирового уровня – «Война и мир» Бондарчука, весь Тарковский, Герман. Люди на это еще как пойдут. Я уверен!.. Я сейчас снимаюсь у Соловьева в «Анне Карениной». Знаете, если народ уже до такой степени одичал, то надо просто поднимать его за шкуру, как щенка, тыкать носом и говорить: «Еще Толстой был! Запомни! Тол-стой! Не “Та-ту”, а Толстой». Только тогда, может быть, что-то изменится.

* * *

В современном мире наличествует какое-то невероятное количество информационной пены. Какие-то желтые газеты, какие-то идиотские таблоиды, и ничего по большому счету приличного или более-менее адекватного на этом рынке не продвинуть. Да этим и не занимается никто, и я думаю – надо бороться с существующим положением вещей... Иначе получится как в том анекдоте. Живет семья: папа ростом один метр десять сантиметров, мама – один метр. Входят сын – девяносто сантиметров и его подруга, девочка, – восьмидесяти сантиметров ростом. Сын говорит: «Папа, мама, мы решили пожениться». Папа выпил стакан водки и говорит: «Давай, сынок! Так и дойдем до серых мышей». Мне частенько говорят: «Раньше было хуже. Много запрещали». Да, раньше многое запрещали. Но почему-то раньше появлялись «Современник», «Таганка», «Ленком». Сейчас все можно. Так почему ничего не появляется?

Я понимаю, почему сейчас режиссеры не берутся за классику. Боятся! Если он снимет про проститутку с трех вокзалов – хорошо ли, плохо ли, – ну снял, да и ладно. А если ты взялся за «Анну Каренину», то тут надо отвечать. Я сейчас начинаю сниматься в «Мастере и Маргарите». Режиссер Владимир Бортко ходит весь белый, потому что он понимает всю ответственность происходящего. Я уже кусаю локти и думаю: правильно ли сделал, что согласился? Потому что это уже четвертый мой заход на Булгакова, три предыдущих провалились. Причем на одну и ту же роль – на Коровьева. Я ее больше всего люблю. Нам страшно. Ведь остались умные люди, которые с нас за это кино спросят.

Очень часто спрашивают о том, что моя роль в сериале «Next» – это такое прославление героев криминального мира. Ничуть не бывало. Разве я прославлял криминал в этом сериале? Я Робин Гуда играл. Всю картину мой герой защищает бедных и униженных. Да, я играю старого вора в законе. И кстати говоря, вор в законе вообще не имеет права иметь никаких денег. Ни жены, ни детей, ни имущества – ничего. Ему положено быть два месяца на воле, а потом снова садиться в тюрьму. Я попытаюсь объяснить, почему вообще согласился участвовать в этом проекте: в принципе меня волновала история семьи. Перипетии отношений между двумя друзьями. Или, например, тот момент в фильме, когда вдруг у моего героя просыпается чувство отцовства. Или любовь, которая на него обрушивается.

У нас сейчас разорваны все родственные узы. В лучшем случае семья – это муж с женой. А где-то там уже братья, сестры... О племянниках просто не говорю. И мне было интересно разобраться в этом явлении, разобраться в том, что же это такое – современная семья.

* * *

Думаю, есть несколько главных факторов, которые в основном и влияют на формирование мировоззрения детей, – они известны. Существуют спорт, книги. Существует деревня. Я убежден, что ребенок должен воспитываться с животными – в этом случае он вырастет намного добрее. Не важно, кто это будет – собака, кошка или хомячок. Но, общаясь с животными, дети начинают понимать: слабого нельзя обижать. Есть еще церковь. Да масса других вещей!

У меня отец был главным режиссером в театре в Фергане. Мы не бедствовали. Но первые дорогие туфли мне купили только на выпускной вечер. Отец привел меня в магазин и говорит: «Выбирай!» Мне ни фасон, ни размер были не важны. Я выбрал самые дорогие – за тридцать два рубля – и пальцем показываю: вот эти. Пальцы подогнул, с трудом влез в них. Домой с выпускного вечера я шел босиком.

К чему я это рассказываю? Когда твои дети начинают понимать, что деньги не падают сверху, что они достаются очень тяжелым трудом, они начинают по-другому относиться к жизни. Когда моя дочь была маленькой, она сидела за кулисами, видела, какой я выходил после спектакля. Видела, как мы выжимали насквозь пропотевшие рубахи. Точно так же меня за кулисы водил отец. В пять лет я первый раз вышел на сцену. Ездил по гастролям с отцом и матерью. И прекрасно понимал, что это за труд.

* * *

Артистам часто говорят о том, что секрет артистической молодости заключается в том, что мы якобы подпитываемся энергией зрительного зала. Нет, дело вовсе не в энергии.

У нас на курсе учились ребята-москвичи. У них были дом, семья. А у меня – общага. По ночам я разгружал вагоны на Рижском вокзале, чтобы как-то жить. Домой, в Фергану, возвращаться нельзя – это смерть. Нормальная физическая смерть. Поэтому нужно было сделать все для того, чтобы остаться в Москве. Мне терять было нечего. И слово «выживание» для меня имело свой первоначальный смысл. Все, что я сделал, сделал своими руками.

Я прекрасно понимаю, что мне сидеть на месте нельзя, – я помогаю семье брата, маме. Не имею права болеть. Организм как бы работает за двоих.

У меня есть дом на Валдае. Там я впервые понял, что воздух имеет вкус. Когда я туда приезжаю, то за два дня могу отдохнуть, как за месяц. Все отключаю, даже часы снимаю.

Я вообще сейчас начал открывать для себя в России фантастические места! Мы их просто не знаем. Каждый год я езжу на рыбалку, на Камчатку. Невозможно описать, какая там нереальная красота. Чудовищная рука человека еще туда не дотянулась. Гейзеры, вулканы, медведи бегают, какая-то непонятная рыба плещется. Сказка просто!

Мне не нравится пассивный отдых. Не могу лежать на пляже. Я не понимаю, как можно встать в семь утра и бежать занимать лежаки. Для меня отдых – это когда я могу сесть на берегу озера на Камчатке, где рядом вообще никого. Или в Астрахани я в пять утра с егерем уплываю куда-нибудь. И только вода, камыши, миллионы птиц вокруг.

В плане быта я совершенно не избалован. Могу в палатке спать. Любимая еда – тушенка и сгущенка. Просто надо уметь приготовить! Нарезьте мелко помидоры, лук, болгарский перец, добавьте тушенку и все это потушите на сковородке. А потом отварите вермишель и все смешайте. Получается такой деликатес!

Нет ничего вкуснее сома, которого ты поймал и пожарил. Какой ресторан может сравниться с тем, когда сидишь на берегу и горит костер...

Я обязательно хочу открыть такой «приют для рыбаков» – в Астрахани, на берегу. Там вдоль Волги стоят дебаркадеры. Они все расписаны на год вперед. Это, оказывается, стоит сумасшедших денег. И мы хотим построить маленькую гостиничку на берегу, человек на двадцать.

Знаете, я долго болел. Почти год пролежал в больнице. Я думал, что все пропущу, все уйдет – и в театре, и в кино. Казалось, все с транспарантами выйдут: «Где ты, наш родной, любимый?!» А оказалось, никто не заметил, что меня не было. Думали, снимается где-то. И у меня произошла переоценка ценностей. Отношение к жизни, к себе изменилось. К людям стал по-другому относиться. Теперь я понимаю, что они – такие.

Так что теперь в мае и в ноябре я извиняюсь перед всеми – в театре, в кино, говорю: «Ребята, хоть убейте, но в эти дни меня нет». И уезжаю на рыбалку.

* * *

Обо мне очень часто говорят: «Абдулов? Да! Богатый человек». Наверное, это замечательно, что обо мне складывается такое впечатление. Глупо говорить, что я не мечтал стать богатым, – всем же хочется, чтобы у тебя все было. Но я всегда понимал одно – воровать я не умею. Остается зарабатывать честным трудом. А кроме своей профессии я, опять-таки, ничего не умею. И нет добрых дядьев, которые бы мне помогали. Я привык все делать сам. И еще, знаете, с возрастом пришло понимание того, что идти на компромисс нельзя, практически никогда. И врать нельзя, врать – очень невыгодно. Ведь эту ложь потом придется как-то оправдывать, то есть снова врать. Поэтому я стараюсь никуда не ходить и как можно меньше общаться на тусовках.

Очень часто мои высказывания относительно «желтой прессы» воспринимают как некий радикализм. Попросту неправильно истолковывают мои слова. Меня уже не раз укоряли: ах, ты замахнулся на свободу слова! Объясняю: я замахнулся не на свободу слова, а на свободу дерьма. Да, мне не нравится, когда кто-то лезет в мою жизнь и что-то там за меня дописывает, мне не нравится, когда кто-то лезет в жизнь моих родных... Почему я должен все это терпеть?

Возможно, кому-то все это нужно, может быть, даже необходимо... Возможно, кто-то пустоту своей личности не может заполнить работой, не может придумать какой-то хороший сценарий, не способен сыграть роль или спеть песню. И тогда такой вот персонаж начинает раздувать события своей личной жизни. Только эти так называемые «звезды» не понимают того, что таким образом они опускают зрителя до уровня серых мышей. Конечно, все такие трюки, вся эта дешевая популярность – все это довольно легко. Но ведь и падать тоже легко. А надо строить. Как? Не знаю. Я, во всяком случае, стараюсь делать то, за что потом мне не будет стыдно.

Несколько лет назад мы с Сережей Соловьевым занимались Московским международным кинофестивалем. Их же всего пять в мире – фестивалей класса «А», самого престижного класса фестивалей. И вдруг мы выясняем, что права на Московский кинофестиваль собираются продать какой-то тете. Значит, и класс «А» у него отнимут. И мы с Соловьевым, харкая кровью, обивали пороги, не давая ММКФ упасть. А после этого появились статьи, что я, мол, наживался на этом фестивале. Слава богу, что дачу во Внукове я успел построить еще до всех этих публикаций. Иначе закричали бы: «Вот! Наворовал!» Но меня тогда волновало только одно: если этот фестиваль у России отберут, вернуть его будет уже невозможно. Ведь эту категорию нам дали, когда мы были сильными. Россия, Советский Союз, в то время были страной класса «А». Я убежден, что страна наша вернется в класс «А». Иначе нам просто не выжить. Американцы очень хотят, чтобы мы развалились. А мы судорожно им в этом помогаем. Правда, многие пытаются нас убедить, что Америка здесь ни при чем. Но ведь любой идиот понимает то, что произошло в Грузии. Или на Украине... А что сделали с Киргизией? К счастью, Каримов в Узбекистане достаточно силен и не позволил у себя проделать подобное, хотя попытка предпринималась. Ослабевшую страну все готовы добить. Объясните мне, почему Китай никто не трогает? Да потому что по башке получают сразу же! Пытаются его укусить, а не получается. А с нами получилось – нас развалили. Была замечательная, мощная империя. Да, нас боялись. Нагнетали страсти: «империя зла», «ядерная угроза». Но извините: кто взорвал атомную бомбу? Кто? Кто виноват в трагедии Хиросимы и Нагасаки? Почему никто не вспоминает, что это американцы сделали?..

Нам, нашей стране, нужна какая-то новая опора, какая-то новая точка опоры. Мы должны, просто обязаны возродиться. Если бы я точно знал, где ее найти, эту точку, давно был бы президентом. А депутаты наши пока совершенно другими делами заняты.

Я езжу домой по правительственной трассе. Меня иногда останавливают за превышение скорости. И пока у меня проверяют документы, я вижу, как мимо летят машины с мигалками. Хотя по телевизору который день показывают, как чиновники и депутаты торжественно эти самые мигалки сдают. Это же просто какая-то акция «Пчелы против меда!». Наша Дума иногда совершает такие поступки, от которых мне просто дурно становится. Действительно, поначалу количество мигалок убавилось. А потом депутаты придумали другую историю – новую серию номеров. Им мигалка теперь не нужна – у них есть номер! Поэтому все их рассказы о том, что «мы – для народа», пустой звук. Вы замечаете, что чем ближе к выборам, тем сильнее депутаты начинают любить народ? Они делают это с такой интенсивностью, что остается только удивляться: «Родной! А где ж ты до этого-то был?» Честное слово, даже смешно становится, когда слушаешь их волнения по поводу того, что всё в стране дорожает. Не надо публично волноваться! Вы лучше один раз опубликуйте меню своего буфета и цены в нем. Или публично назовите размеры суточных, которые вы получаете во время командировок. У них-то коммунизм уже давно победил.

Удивительно, но даже самый порядочный человек, попадая во власть, меняется. Я знаю нескольких порядочных людей, пошедших в политику. Через год они бежали оттуда как от огня. Потому что невозможно жить в государстве и быть свободным от государства. Приходя во власть, хочешь или не хочешь, ты начинаешь жить по законам, которые там существуют. Сперва поборешься, конечно, немножко.

Помните, был у нас такой правдолюб – Травкин? Он всё боролся!.. Где он сейчас? Довольно долго он заседал в Думе. Только вот сейчас о нем ничего не слышно. Наверняка он принял их условия жизни, их условия игры. Вы можете мне назвать хотя бы одного депутата, который сдал бы свою депутатскую квартиру и после истечения срока полномочий уехал бы назад в свой Вышний Волочек? Ни одного не вспомните, потому что нет таких депутатов. Власть, она разъедает. Я не знаю, какие надо иметь мозги, чтобы сохранить там чистоту души. Вспомните академика Сахарова – он сопротивлялся этой бацилле. Так его в результате чуть ли не ногами доби́ли.

Что до меня, так у меня другая власть – власть над залом. Ведь я же не плачу зрителям деньги за то, чтобы они смеялись или плакали, когда я играю.

* * *

«Встречаются два еврея, один другому говорит: “Хаим, ты слышал, Изя умер!” – “Что, опять?” – “Да чего ты орешь, чего орешь, вон он идет!”»

Знаете, за последнее время скопилось такое количество космической информации о моей судьбе, что я вообще не хотел ничего говорить, потому что и так на вас выливается такое количество проблем, негативной информации, еще лишнюю каплю кидать на вас негатива не хотелось. Потому что я так устроен, что я весь негатив переживаю сам с собой в лучшем случае и в худшем случае – когда со мной близкие, мои родные.

Вот сейчас то самое время, когда со мной самые близкие, самые любимые люди, которые со мной выросли, живут и, надеюсь, мы вместе будем жить. Но помимо негатива, такое количество позитивной информации, такая волна любви, я не ожидал, дорогие мои, клянусь, я не ожидал! Я надеялся, я верил в то, что я нужен этой стране, что я что-то значу в этой стране, но что столько людей искренне желают мне добра, я не ожидал. Я хочу сказать, и я не стыжусь этого, я хочу сказать публично: спасибо вам, спасибо вам, ваше величество зритель! Я всю жизнь работал для вас, и, поверьте, работал честно. Спасибо за вашу заботу, за ваше отношение ко мне.

Ну а последнее, то, что меня доби́ло и вынудило обратиться к вам, я хочу просто поклониться нашим ребятам-футболистам, моей любимой команде «Спартак», которые при пере-

полненном стадионе вышли в футболках, на которых была моя мордочка, и пожелали мне удачи, и пожелали, чтобы я был с ними. Это ничем не оценить. Спасибо вам. И вы знаете, я думаю, все будет хорошо. Я верю в это. Как говорил Юрий Владимирович Никулин, мой любимый клоун, когда его спрашивали про Мухтара: «Он постарается». Я постараюсь.

* * *

Папа почему-то решил, что я обязательно должен стать Качаловым. Не ниже. И поэтому на вступительных экзаменах в Щепкинском училище я читал только монологи Незнамова. На полном серьезе. И не поступил с формулировкой: «Несоответствие внешних и внутренних данных». Что это такое, я до сих пор не знаю, но тем не менее именно с такой формулировкой отвалил обратно в Фергану.

На следующий год поступал по кругу во все театральные институты и прошел везде. В итоге выбрал МХАТ (а документы у меня лежали в «Щепке»). Но щепкинцы поняли, что я от них сваливаю куда-то в другой институт, и не отдали документы. Я уж и так и сяк. С братом передал, что вообще уезжаю из Москвы, брат приходил с милиционером забирать эти бумаги. Наконец отдали, но при этом сказали: «Передайте ему, что он во МХАТе учиться не будет!» В общем, дали слово отомстить. А я-то считал, что уже практически принят. Но вдруг оказалось, что сочинения проверяет педагог... Щепкинского училища! И после того как я с экзамена вынес сочинение брату и тот вычитал (брат был преподавателем русского языка и литературы), в моей работе нашли-таки сорок две ошибки. Меня зарубили. Видимо, у них были свои правила русского языка.

А набор-то везде уже закончен! И почему меня ноги понесли в ГИТИС, не знаю. Пришел к секретарю ректора, там некая Тамара Хасановна была. (А ректор МХАТа уже обзвонил все институты, сказал: придет парень такой, помогите, если сможете, у нас с ним ЧП приключилось.) И, значит, она спрашивает: «Это ты?» – «Я», – говорю. «Ну, давай проверим твоё счастье. Вот сейчас я набираю телефон, и если декан актерского факультета дома, она придет. Нет – не судьба». Накручивает номер, и декан отвечает: «Я сейчас приду». Пришла, послушала меня: «Как раз идет заседание ректората, и там сидит Иосиф Моисеевич Раевский, который набирает курс». Для меня «Раевский» – только имя, я его до тех пор и в глаза-то не видел. Вхожу. «Кто из вас, – говорю, – Раевский?!» (Такой наглости никто от меня, разумеется, не ожидал. Но это от зажима, конечно.) Итак: «Кто Раевский?» – «Ну, я». – «Давайте я вам читать буду». Он послушал, потом вывел меня и сказал: «Ладно, чтоб ты не сделал опять сорок две ошибки, сочинение сдавать не будешь». И взял меня в институт на свой курс.

* * *

Я учился в Государственном институте театрального искусства имени А. В. Луначарского, когда, совершенно для меня неожиданно, получил приглашение от Московского театра имени Ленинского комсомола репетировать центральную роль в спектакле «В списках не значился» Бориса Васильева.

Наверное, не так трудно представить себе огромное волнение, сумятицу надежд и страхов, владеющих зеленым неопытным студентом, который выходит рядом с известными мастерами на сцену одного из интереснейших театров Москвы. Но дело не только в этом. Лейтенант Плужников – мой сверстник, выдержавший тяжелейшие, немыслимые испытания и отдавший жизнь за наш нынешний день. Я не могу сказать об этой роли: памятна или бесконечно дорога. Это как сама моя жизнь. Каждый раз, встречаясь с Колей Плужниковым, я поверяю ему, а затем и зрителям, собственные мысли, надежды, стремления.

Прекрасно, когда актерская судьба в театре начинается с главной роли, но когда это такая роль – еще и очень ответственно. И я бесконечно благодарен театру, благодарен ведущим его мастерам, которые очень помогли мне в работе над ролью Плужникова, у них я учусь и с ними выхожу на сцену.

В Театре имени Ленинского комсомола любят поиск, смелый эксперимент. Моей следующей крупной работой стала роль Хоакина Мурьеты в постановке пьесы великого чилийского писателя Пабло Неруды «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты». Спектакль посвящен героическому чилийскому народу и решен как музыкально-пластическое действо.

Полвека для театра, наверное, много. Но я не ощущаю его возраста. Для меня этот театр – мой ровесник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.